

ВАРЛОРД СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ ТОМ II

АЛЕКС ДЕЛАКРУЗ

Варлорд

Алекс Делаacruz

Варлорд. Северное Сияние. Том II

«Автор»

2020

Делакруз А.

Варлорд. Северное Сияние. Том II / А. Делакруз — «Автор»,
2020 — (Варлорд)

Пятая книга саги о варлорде Артуре Волкове. Удивительно знакомый и в то же время чужой мир. Мир, где не было Второй мировой, и где в 2020 году высокотехнологичные армии корпораций спорят за мировое господство с владеющими магией аристократами. Там ему было тридцать пять. Здесь нет и пятнадцати, зато проблем на все сто – ненависть неожиданных родственников, перечеркнутый бастардной перевязью герб, презрение окружающих и запретный дар, применение которого грозит смертной казнью.

© Делакруз А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	46
Глава 6	52
Глава 7	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Андрей Делакруз

Варлорд. Северное Сияние

Том II

Глава 1

– О-о-охо-хох... что ж я маленьким не сдох... – не открывая глаз, сообщил я окружающему миру.

Несмотря на звучность фразы, чувствовал себя на удивление хорошо. Не болела голова, не было гнетущей тяжести под бровями, отсутствовало ощущения визита стаи котов в рот. Восклицание же было связано больше с тем, что не люблю вообще все последствия алкогольных возлияний. На психологическом уровне – даже если выпил совсем немного, поутру не отпускает беспокойство. Вдруг чего сотворил, ослабив вожжи контроля разумности.

Так и не открывая глаз – лишь тактильно оценив, что один на широкой кровати, понемногу анализировал минувшую ночь. Мысленно поморщился пару раз – вспоминая исполнение монолога про брак с народом и выход в туалет из-за финального стола.

Мда, неудачно получилось.

Больше серьезных косяков не было. Хотя куда уж больше – вздохнул я, переворачиваясь и потягиваясь. Да, в списке событий было еще доведение до коматозного состояния десятка одаренных и им сочувствующих – при попытке вернуть белого медведя, но это так, шалость. А кроме этого, в принципе, я ничего и не творил. Не считая того, конечно же, что произошло в каюте с Анастасией. Но там мы, в общем-то, творили оба.

На этом моя мысль споткнулась.

Снова перекатившись, я открыл глаза и всмотрелся в украшенный орнаментом потолок.

– Так. А почему я не дома?

Спросил вслух и просто по старой привычке из прошлой жизни. Почему я не дома, прекрасно помнил: ближе к рассвету яхта подошла к причалу в закрытой большой бухте, и все одаренные – те, кто мог ходить, сошли на берег. Тех, кто не мог, вынесли. Помню, как мы направились на виллу, выстроенную в стиле античной архитектуры. Да и встречали нас люди, похожие на реконструкторов – переодетых в римских легионеров.

Но особого внимания на это я не обращал. Была причина – «слеза» не только блокировала возможность снять воздействие интоксикации на организм, но и убирала некоторые способности одаренного. Так что минувшие бессонные ночи учебной недели, нервное напряжение во время короткого турнира, безумная ночь с Анастасией и выпитое на вечеринке дали о себе знать – я просто устал и просто заснул, едва мне показали на кровать в предназначенных покоях.

Анастасия...

Вот здесь было сложнее. Я окончательно сросся с оставшейся в теле частичкой души Олега, и личность моя видоизменилась – немного подвинув взрослого циника. И, невольно помолодев душой – из-за доставшегося мне тела, я понемногу менялся, становясь другим человеком. И пусть в этом мире меня даже зовут так же – Артур Сергеевич Волков, но меня прежнего с нынешним не сравнить.

И помолодевшая благодаря Олегу часть моей души, если дать ей волю, беззаветно влюбилась бы в Анастасию. Ничего удивительного – я вообще во всех девчонок своего двора влюбленный, а на восприятие княжны накладывалось все то, что мы уже пережили вместе с ней.

Но.

Здесь уже молодой «я» отошел в сторону, и вернулся тот «я», который вчера немного отошел в сторону под действием алкоголя.

Вопрос. Почему Анастасия поставила ментальный блок в каюте? Как раз перед тем, как мы занялись любовью? Она боялась отказа и не хотела, чтобы я почувствовал ее эмоции обидного отчаяния?

Возможно. Но не факт.

Княжна – будущая Снежная королева, как называют высокоранговых адептов Школы Льда. И еще она будущая – если доживет – королева Юга. Так что недооценивать ее я бы не стал. К тому же Анастасия уже обманывала меня своей мнимой беззащитностью – вспомнить хоть тот раз, когда, притворившись пьяной, развела меня на эмоции.

Уверен ли я, что Анастасия сегодня ночью действовала по велению души, а не руководствуясь холодным расчетом? Нет. Но что это возможно – отрицать глупо. А еще возможно, что в ее действиях всего было в комплексе – все же в охотничьем домике эмоции ее я прекрасно чувствовал и искренность желаний и чувств княжны ощущал.

Но опять же – ментальные способности у меня лучше, чем у Анастасии, но именно в нашей связи ее восприятие на голову выше. И она может просто некоторые свои эмоции и мысли от меня скрывать. Не могло быть так, что полностью ментальный щит она поставила именно из-за этого? Чтобы я не узнал того, что знать мне не полагается?

Может.

Еще и татуировка эта ожившая в процессе... Откуда в ней взялась магическая сила?

Мой источник был заблокирован «слезой», у княжны тоже, но ведь татуировка же ожила? И силы в ней столько, что при желании Анастасия может вызвать своего дракона, который способен снести с лица земли всю немалых размеров виллу, на которую привезла нас яхта. Да и яхту на сдачу потопить.

«Будучи нетрезв, я переспал с одаренной – также нетрезвой, и в результате у нее наполнилась значительной стихийной силой магическая татуировка родового дракона. Подскажите, каким образом и за счет чего это произошло?»

Отличный вопрос. А вот еще лучше – кому я могу его задать?

Да хоть кому, вариантов много. Вот только без последствий для меня и Анастасии, наверное, можно спросить только демона – если его выпустят из застенков ФСБ. И мать Олега – которая вернется нескоро.

Вот так всегда. Вопросы есть, ответов нет – еще раз потянувшись, вновь перекатился я по кровати.

Ладно, это оставим на потом. Но спросить точно нужно – вопрос на самом деле важный. Потому что вдруг эта сила дракона – часть моей, каким-то образом переданной? От подобной догадки даже по спине холодок прошел. Ведь некие влиятельные дамы же собираются матриархат установить, почему бы подобным образом не...

Стоп-стоп-стоп – остановил я себя. Так можно и до правящих миром рептилоидов гипотез настроить.

Выдохнув и перевернувшись еще раз, катаясь по широкой кровати, я проанализировал свои ощущения. Холодок по спине вернулся – я не чувствовал свой источник. Но это из-за того, что «слеза» еще действует, понял я. Надеюсь, что «слеза» – потому что если Анастасия каким-то образом вытащила часть моей астральной силы...

Так, стоп.

Еще раз, заново – после успокаивающего сеанса дыхательных упражнений – я просканировал свое тело. Ощущал себя не очень комфортно. Как обычный человек, без доступа к сверхспособностям. Но, к моему облегчению, чувство это было довольно легким – небольшое усилие, скорее всего физическое напряжение, и все вернется в норму. Это говорили мне не только ощущения, но и знания – на уроках физической культуры в гимназии мы изучали воз-

возможности организма и влияние на него психоактивных веществ, в том числе никотина и этанола, которыми я злоупотребил.

Так что, собрав в кучу все мысли и ощущения, я открыл глаза уже окончательно. Отбросив тонкую простынь, слитным движением спрыгнул с кровати. И тут же, не сдержавшись, громко выругался, а дежурившие в ногах у ложа молоденькие девушки невольно отпрянули.

Это вообще кто? Две девушки не походили на горничных, а напоминали скорее покорных служанок. Даже нет, еще круче – рабынь: из одежды на обеих были лишь длинные юбки из невесомой прозрачной ткани. Еще волосы у обеих были одинаково стянуты позолоченными обручами, да на предплечьях широкие медные браслеты.

Причем присутствия «рабынь» я абсолютно не чувствовал – никак не отслеживая ауру. Имплантов в глазах не видно, а значит, это штампы; в том, что передо мной существа, созданные искусственно, сомнений не было.

Рано утром на обстановку и интерьер виллы я много не заглядывался, лишь мельком отметив неплохо воссозданный антураж Древнего Рима. Сейчас, оглядывая «рабынь», уверился в том, что антураж воссоздан весьма детально. Потому что отпрянувшие было служанки встрепенулись, и одна из них, рыженькая, обратилась ко мне на ломаной латыни. Вторая, чернокожая – напоминавшая статую из глянцево поблескивающего эбонита, только преданно и предупредительно хлопала огромными глазами. Латынь она явно – по замыслу создателей программы поведения, не знала.

Созданный уголок античности обрел черты премиальной эксклюзивности. Причем весьма тщательно проработанной. Даже одна из штампованных девушек чернокожая, а вторая рыжеволосая – что в республиканском Риме также было отличительной чертой рабов, которых в Италию везли с севера Европы. Чего, кстати, даже по прошествии немалого количества времени весьма стеснялся один из римских императоров, очень не любивший свое прозвище Меднобородый.

Свесив ноги с невероятно высокой – также по римскому обычаю, кровати, я машинально прикрылся простыней и уже внимательней оглянулся вокруг. Не заметил ни своей одежды, ни каких-либо высокотехнологичных девайсов. Даже время не посмотреть, но, по ощущениям, середина дня – заглядывающее в окно солнце довольно высоко.

Бежать в поисках ответов никуда не стал, а позволил служанкам взять процесс в свои руки. Весьма, надо сказать, умелые: меня проводили в ванную комнату – которая в этих покоях была площадью больше, чем моя квартира, оставшаяся в прошлом мире. Приняв теплую ванну, с ароматическими маслами и лепестками розовых цветов, я по услужливым указаниям-просьбам рыжеволосой рабыни расположился на каменной полке, где девушки приступили к массажу. Чуть погодя, натертый маслами и благовониями, я почувствовал себя вполне неплохо.

После массажа искусственные девушки нарядили меня в белую тунику с пурпурной полосой, подпоясали и обули в легкие сандалии, а после я получил предложение проехаться на носилках. С латинским – после занятий в гимназии, у меня лучше, чем с французским. Только благодаря латинскому я что-то по-французски и понимаю, языки схожи.

Но сейчас не был уверен, что правильно понял подкрепленное жестами предложение про носилки. Как оказалось, понял правильно – и с трудом удержался от удивленного возгласа: за дверь, вызвав ненужные ассоциации с мемами моего мира, расположились два чернокожих гиганта в набедренных повязках и с носилками. От носилок я отказался, пошел ножками. А направлялись мы теперь, по словам рыжеволосой провожатой, в термы. А термы – это надолго, почти гарантированно до вечера. А потом гарантированно пир.

«К гадалке не ходи», – согласился со мной внутренний голос с интонациями Гены Бобкова.

Перспектива гарантированных строителями выходных терм и пира мне не понравилась. Потому что суббота уже перевалила за середину, а дела с Марьяной с места даже и не думали сдвинуться.

С такими мыслями я прошел через галерею колоннад и, увидев сами термы, на несколько мгновений застыл пораженный. Передо мной было огромное пространство многоуровневого бассейна, размером с городской квартал. Буквально залитая водой огромная площадь; причем бассейн был неглубокий, не более метра, и расчерченный на зоны рядами колоннад и длинных портиков. То тут, то там возвышались здания с водопадами, фонтанами, мраморными статуями в нишах и искусными фресками. Было даже несколько зеленых аллей, в тени которых мелькали белые туники.

На всей огромной площади многоуровневого бассейна собралось около сотни людей, и при столь ошеломляющих размерах они казались буквально горсткой. После более внимательного взгляда я заметил, что только несколько десятков человек расхаживают в туниках, подобных моей. Остальные – в стилизованных под античность купальниках или вовсе без оных. Люди сидели на бортиках, опустив ноги в воду и попивая из кубков, кто-то расположился в тени портиков на скамьях полулежа. И большинство присутствующих здесь играли роли рабов и прислуги – как рыжеволосая «рабыня», что сопровождала меня сюда.

Причем провожатая уже предупредительно, но настойчиво предлагала мне пройти далее, к одной ей ведомой цели. Согласившись, я двинулся следом за ней по поднятой над водой дорожке, выложенной пористыми – чтобы не скользили ноги, покатыми камнями.

Мы с провожатой миновали несколько зданий, в которых располагались банные комнаты. Поднимаясь на возвышение, прошли по зеленой аллее среди мраморных статуй богов и богинь римского пантеона, после чего аллея привела нас к широкой лестнице. Поднявшись, я увидел большой грот, в котором за широким столом возлежало (именно возлежало, по римскому обычаю) несколько человек. К гроту рыжеволосая дева меня и вела.

На мое приближение обратили внимание, несколько даже махнули рукой, а оказавшийся здесь Валера даже что-то крикнул приветственно. Компания собралась действительно знакомая – здесь были все те, кто играл за финальным столом турнира: кроме Валеры, присутствовали Леонид, Барятинский, Йохен и пепельноволосый Судзуки. И еще был фон Валленштайн. Праправнук легендарной одаренной дремал в плетеном кресле, как и Барятинский. И все присутствующие здесь были в нарядах точь-в-точь как у меня, только с одним дополнением – у каждого на голове был лавровый венок.

После возгласа Валеры дремлющий Бастиан фон Валленштайн открыл глаза и приветствовал меня жестом римского салюта. От белокурого голубоглазого арийца выглядело подобное несколько двусмысленно.

– Ave! – повторяя жест фон Валленштайна, вскинул приветственно руку и Леонид.

От раздавшихся громких голосов встрепенулся от дремы и Барятинский. Он развалился в дальнем углу грота на груде подушек и был накрыт простыней с влажными пятнами – видимо, недавно из парилки. Что-то в картине меня напрягло. Внимательней присмотревшись, я понял, что белая ткань ниже пояса Барятинского равномерно поднимается и опускается. К тому же я не сразу заметил выглядывающую из-под простыни нижнюю часть аппетитной женской фигурки.

Но совсем не это меня насторожило. Не понравилось в происходящем мне то, что полумрак грота для меня полумраком и оказался – я не мог менять спектры зрения и видеть в темноте. А что это значит? Правильно – каким-то образом во время массажа рабыни добавили мне в организм еще одну дозу нейтрализующей магическую энергию «слезы».

И вот это мне уже серьезно против шерсти.

– Артур, ты вовремя пришел, – воскликнул между тем Йохен. – Как раз тебя нам не хватало!

Одновременно с его возгласом приведшая меня сюда провожатая приблизилась, надела мне на голову недостающий образ лавровый венок и легко убежала к выходу из грота, ожидать меня там.

– В чем дело? – вместо приветствия поинтересовался я.

– Разрешите наш спор! Валера и я считаем, что пользоваться бездушным искусственным телом для удовлетворения своих потребностей, – показал Йохен на поднимающуюся простынь Барятинского, – сродни самоудовлетворению, что общество осуждает. Леонид и Бастиан же говорят, что в этом нет ничего отличного от услуг созданных природой профессионалок. У нас равенство во мнениях, и твой голос решающий.

– Как это равенство? А Таро не спрашивали? – показал я на пепельноволосого Судзуки.

– Он будущий тридцать третий лорд Сацума, ему религия запрещает мнение по этому поводу озвучивать, – засмеялся Леонид.

Японец только покачал головой и отвернулся, явно показывая, как он относится к столь детским разговорам.

– А как же мнение... – показал я на Барятинского, который откинул голову назад, прикрыв глаза.

– Он сейчас немного предвзят ввиду некоторых обстоятельств, – сдержав зевок, ровным голосом пояснил фон Валленштайн.

– Огорчу, потому что спор не решу, – покачал я головой.

– Почему? – удивилось собравшееся общество.

– Потому что искусственная дама, столь похожая на настоящую, – это как безалкогольное пиво. А вот как я отношусь к безалкогольному пиву, я еще не определился.

Мой комментарий вызвал, вернее, оживил бурную полемику, а сам я – в ней не участвуя, присел на одно из широких лож у стола и принялся осматриваться. Вход в грот был довольно широк, и в проем мне было видно, как термы понемногу заполняют все прибывающие ода-ренные и помятые знаменитости. Некоторые из них, кстати, услугами носильщиков пользовались – и кого-то несли напрямик в тепидарии и фригидарии, чтобы массажем и живительным влажным теплом возвращать к жизни.

Наблюдая за происходящим, я понемногу начинал чувствовать собирающее подспудное напряжение, превращающееся в нервозность. Судя по всему, срежиссированное представление здесь затянется до самого позднего вечера, если не до ночи – что вероятнее всего, и завтра у нас просто не будет достаточно времени, чтобы решить вопрос с Марьяной. Дело, ради которого, в общем-то, мы сюда и прибыли.

– Артур! – окликнуло меня сразу несколько голосов.

– А? – обернулся я. Мне сразу задали какой-то несерьезный вопрос, на который я лишь отмахнулся.

– Тебе что-то не нравится? – поинтересовался Леонид.

– Да. Здесь мне все не нравится, – обернулся я, разглядывая поражающие масштабом термы.

– Тебе не нравится античный антураж? – поинтересовался греческий наследник.

– Я русский, и античность – моя вторая сущность, – улыбнулся я. – Но римской традиции я, конечно же, больше предпочитаю греческую.

– Арес, а не Марс? – неожиданно поинтересовался фон Валленштайн.

– Не совсем, – покачал я головой. – Немного под другим углом: Спарта, а не Афины.

– Так ты же истинный британец, сам вчера рассказывал, – даже Барятинский после моих заявлений открыл глаза и, останавливая, накрыл ладоньюдвигающуюся под простыней деви-чью головку.

– Мать из Германии и неспособность говорить по-французски – весьма многозначное определение, – покачал я головой.

– Так что тебе не нравится здесь и сейчас? – увел разговор в прежнюю сторону Леонид.

– Мы здесь как в клетке, – произнес я, оценивая свои ощущения. – С того момента, как мы сели за финальный стол, нас ведут как на веревочке, мне это претит. Кроме того, я хочу выпить, – соврал я.

– Это проблема? – даже приподнялся Бярятинский и демонстративно приподнял пустой бокал над плетеным столом рядом с собой.

– Во время массажа мне незаметно поставили еще одну дозу «слезы», – осмотрел я присутствующих. – И я даже не могу сейчас понять, как и когда это случилось. И мне это не нравится. А еще мне не нравится отсутствие чувства контроля, когда я пью алкоголь.

Присутствующие начали переглядываться.

– Подтверждаю, мне тоже закапали, – кивнул Бярятинский. Сразу после этих слов он прикрыл глаза и вновь опустился на подушки, легким хлопком по плечу разрешив скрытой под простыней деве продолжать.

– И мне, – подал голос пепельноволосый Судзуки, который, как оказалось, совсем не Таро Судзуки, а будущий князь Симадзу, лорд – владелец земель Сацума и Осюми. После занятий в гимназии я был всерьез подкован по владетельным землям Конфедерации.

Между тем Леонид, Валера и Йохен переглянулись. Судя по выражению их лиц, видимо, никто из них не заметил произошедшего. Но парни прислушивались к себе и переглядывались вновь – каждый почувствовал отголосок новой дозы «слезы», блокирующей стихийную магию и доступ к источнику.

– Кроме того, я не знаю, где моя одежда, айди, и еще не в курсе планов на вечер, – добавил я все из того списка, который мне не нравился.

– А... дайте, пожалуйста, выпить, – неожиданно громко попросил Бярятинский. По жесту Йохена одна из рабынь, ожидающих у входа в грот, забежала внутрь, держа высокий запотевший бокал с лимонной водой.

Как раз в этот момент удовлетворяющая Бярятинского девица мягко выскользнула из-под простыни, и тот передал бокал ей. Благодарно кивнув, девушка сделала несколько больших глотков и быстро юркнула прочь, покидая грот.

– А... – уже настала моя очередь удивляться, потому что симпатичная девушка под его простыней оказалась вполне себе реальным, а не искусственным человеком – я даже совсем недавно кино с ней видел в главной роли.

– Так она же настоящая? – показал я в сторону убежавшей актрисы.

– Это как-то нивелирует предмет нашего спора? – поинтересовался невозмутимый фон Валленштайн, который понял причину моего удивления.

– Так какие ваши предложения? – картинно скопировав интонационный немецкий акцент фон Валленштайна, поинтересовался у меня Бярятинский, принимая более прямое положение.

После этих слов присутствующие переглянулись, и вскоре все – даже невозмутимый Судзуки, смотрели на меня.

– Как-то английский лорд летел через океан, и его самолет потерпел крушение, – начал я издалека. – Лорд спасся и некоторое время жил на необитаемом острове. Когда его обнаружили спасатели, они увидели на пляже три хижины. На вопрос о том, зачем столько, лорд ответил, что первая – это его дом, а вторая – это клуб, в который он ходит по вечерам.

– А третья хижина? – поинтересовался после короткой паузы Бярятинский.

– А третья хижина – это клуб, в который лорд не ходит. Для британца этот вариант очевиден.

– Итак, какие наши планы? – спросил Валера, уже копируя и недавние интонации Бярятинского, и акцент фон Валленштайна.

– Я бы прогулялся, – пожал я плечами.

– Куда?

– Да черт его знает. Как минимум в какой-нибудь клуб, чтобы найти немного «ангельской пыли» и снять эффект «слезы».

– Да вы, батенька, крамолу какую-то предлагаете, – сморщился наследник греческого престола. – Но если что, я предложение поддерживаю.

– Прогуляться вот так? – показал на свою тунику рассудительный фон Валленштайн и добавил, не дожидаясь комментариев: – Думаю, если дамы распланировали наш вечер, то единственный вариант – уйти по-английски. Потому что, если мы начнем искать здесь одежду, наши спутницы сразу же появятся и будут уговаривать нас остаться.

– И вряд ли кто сможет отказать, – добавил Леонид, соглашаясь с доводами внука самой знаменитой в мире одаренной. – Если просьба поступит от очаровательной Ядвиги, я не уверен, что смогу удержаться и не сделать ей приятное, оставшись здесь.

«Удержаться и не сделать ей приятное» греческий наследник добавил с явной иронией.

– Одежду можем забрать с поверженных наркоторговцев, – пафосно воскликнул Барятинский, явно дурачась.

– Я за, – кивнул Валера. – Это будет забавно.

– Тогда и я с вами, – с прежним спокойным видом повел плечами фон Валленштайн. – Думаю, это действительно будет забавно.

– Почему меня никто не спрашивает? – неожиданно поинтересовался Судзуки.

– А ты против? – обратился к нему фон Валленштайн своим бесстрастным тоном.

– Нет, я с вами.

– Так и что тебя спрашивать? – пожал плечами Бастиан.

– Итак, планы ясны, цели определены. А это значит, что надо действовать быстро и резко, – с нескрываемым энтузиазмом произнес Йохен.

– Как детский понос, – добавил Барятинский, хохотнув. Он среди всех был самый веселый – видимо, чтобы убедить актрису прогуляться к нему под простынь, пришлось смазать переговоры парочкой утренних коктейлей.

– Погнали? – поинтересовался Валера.

Несколько секунд перекрестных взглядов, и, синхронно поднявшись, мы тесной гурьбой вывалились из грота. Сопровождающие каждого из нас «рабыни» дисциплинированно поднялись на ноги, видимо желая следовать за нами.

– Дамы! – вдруг явно отработанным на плацу командирским басом громыхнул фон Валленштайн. – Ждем здесь, мы скоро вернемся.

Повинуясь, искусственные девушки остались на месте, а мы всей компанией двинулись прочь из терм. Миновав огромную площадь с бассейном, прошли через анфиладу залов и вышли в огромный, освещенный солнечным светом атриум – просторный холл виллы со световым колодцем вместо крыши.

Ворота выхода оказались уже совсем рядом, но путь к ним преградил сразу десяток «реконструкторов». Одного взгляда хватило, чтобы понять – это явно переодетая в римских легионеров профессиональная охрана. Тоже из неасапиантов – и довольно слаженно десяток легионеров встал перед нами, закрывая проход к воротам.

– Ты кто, дядя? – поинтересовался я, когда путь мне преградил высокий преторианец в блестящем анатомическом нагруднике и в шлеме с поперечным гребнем центуриона. Валера рядом приблизился к другому преторианцу и, наклонив голову, с нескрываемым интересом юного естествоиспытателя щелкнул пару раз по искусной гравировке нагрудника.

Центурион, преградивший мне путь, в этот момент заговорил. В отличие от «рабынь» неасапианток, общавшихся на латыни, центурион говорил со мной на французском. Слов я не понял, но смысл предельно ясен – уважаемых молодых людей со всем уважением просили вернуться в термы.

«Уважаемые молодые люди не хотят в термы, а хотят прогуляться за ворота», – выступил вперед Барятинский, также заговорив на французском.

Я в этот момент заметил, что один из преторианцев торопливо что-то говорит, прижав два пальца к уху.

– С дороги отойди, дружище, – шагнул я вперед, но центурион преградил мне дорогу.

– Прошу простить, но сейчас это невозможно, – закрывая мне проход, произнес он уже на русском.

– Невозможно? – невольно у меня получилось поднять левую бровь фирменным жестом Анастасии. От удивления я даже на шаг назад отступил, широко раскрытыми глазами обозревая спутников. Краем глаза отметил, что в переговоры с кем-то невидимым вступил уже не первый охранник-преторианец, явно в спешке призывая подмогу в лице кавалерии.

– Это... не невозможно, – мягко обернулся я к центуриону. – Это... Спарта!!!

Я не бил, а просто оттолкнул его ногой. Обычный человек так сделать бы не смог – передо мной была настоящая машина в образе восстановленного неандертальца, причем усиленного имплантами. Но, несмотря на заблокированную стихийную энергию, питающую мой источник, у меня была сила темных искусств. Добавил в удар я самую малую толику, чтобы не оставлять ауры следов. Этого хватило – центурион в богатых доспехах улетел прочь, скрывшись в зарослях декоративных кустов.

Мгновением позже пара преторианцев попытался преградить дорогу двинувшимся вперед Валере и Барятинскому, но оба охранника как-то вдруг споткнулись и, пытаясь остаться на ногах, побежали вперед, часто-часто переставляя ноги, ловя непослушную землю. С грохотом металла столкнулись охранники, пытавшиеся задержать Симадзу, а вот Леонида и Валленштайна никто остановить даже не пытался.

Словно при игре в регби мы просочились через поредевшую толпу охранников-легионеров. Заскакивая на высокий забор, я потерял было из вида Йохена. И задержался, осматриваясь. Но когда в стороне – со скрежетом сминаемого металла что-то ударило в ворота, а потом вылетела калитка, нашел – немец, как мы, обходить преграды не стал, а пошел напрямую.

В другой ситуации у нас так просто с неасапиантами справиться, конечно же, не получилось бы. Но наверняка у охраны стоял блок возможного уровня воздействия на гостей, тем более одаренных. Максимум – за руку схватить и придержать совсем недолго. Хотя на прочих знаменитостей, думаю, реакция возможна пожестче – селебрити в этом сословном мире все же больше не количеством, а килограммами считают.

Веселой гурьбой мы попрыгали через забор и подбежали к одной из высоких угловатых машин, отогнанных от входа, в тени низких пальм аллеи поодаль.

– Стой! – прокричал фон Валленштайн, но не успел – Барятинский уже подхватил декоративный вазон с карликовым деревом и вынес боковое стекло. Цветасто выругавшись на немецком, фон Валленштайн просто взял и банально открыл лишенную стекла дверь.

– О-го-го, – не сдержал смеха Барятинский, опуская на брусчатку тяжелый вазон. И криво воткнул в него выпавшее деревце. Ну да, машины здесь – на частной территории, никто не закрывает.

За руль между тем запрыгнул Йохен, как будто это было само собой разумеющееся. Заводился внедорожник охраны, кстати сказать, как и полагается любой подобной технике, с кнопки. Поэтому уже через десяток секунд мы покинули круговую площадь и со свистом ветра в салоне устремились по магистрали к основанию острова-пальмы, где находились гостиницы и клубы. Но думаю, для начала нам нужны были магазины – в римских туниках разгуливать, конечно, красиво, но не практично. О чем я и сообщил всей честной компании.

– Да отлично мы выглядим, – возразил мне Барятинский и добавил: – Лично я к процессу посещения магазинов отношусь с предубеждением.

– Ты это к тому, что сначала лучше выпить? – поинтересовался Валера.

– Ему уже хватит, а нам не помешает, – озвучил очевидное Йохен.

– А чтобы выпить, надо найти «ангельскую пыль», – согласился фон Валленштайн.

– И сделать это надо быстро, – произнес вдруг Симадзу.

– Почему? – спросило сразу несколько голосов.

– Потому что, если дамы захотят нас найти и вернуть... – начал японец, но продолжать не стал.

– То есть нам и пить в движении? – произнес Брятинский расстроено.

– Движение – это жизнь, – прокомментировал Валера.

– Йохен, рули в Тропикану, – хлопнул Леонид водителя по плечу.

– А где это? – поинтересовался Йохен.

Сразу никто не ответил – все пытались определить наше положение в пространстве относительно берега.

– Вон там надо было направо свернуть, – показал назад Симадзу после недолгого молчания.

Кивнув, Йохен вдруг совершил как-то сразу очень много движений, уложив их в пару десятых долей всего одной секунды. Наш угловатый внедорожник после этого невероятным образом словно гигантской рукой развернули и переставили на встречное полотно магистрали, безо всяких оглядок на условности по типу разделительного барьера.

– Йо-охен! – прокомментировал Йохен свой маневр под громкие возгласы остальных.

Пытаясь удержаться на месте, вцепившись руками в подголовник кресла и ручку на крыше, я в этот момент понял, почему зовут его Манфред Штиль, а называют «Йохен». В этом мире, кроме популярного военно-спортивного развлечения – городской охоты, есть еще и городские гонки – нечто похожее на симбиоз World of Tanks и популярной в девяностые аркадной гонки Rock N' Roll Racing. Только происходят городские гонки здесь в реальности, а Йохен – признанная в них величина мирового уровня. И какой у него боевой клич, все уже догадались.

– А почему вы не были пристегнуты? – с откровенным удивлением поинтересовался он в ответ на жалобы Брятинского и Валеры, которые во время его маневра обстучали обивку салона.

Глава 2

С полным презрением к правилам движения (но с соблюдением скоростного режима) мы промчались по магистрали и миновали несколько развязок. Вскоре, проехав мимо ряда пальм, оказались у арки входа в Тропикану – большое пляжное и клубное пространство под открытым небом.

Аккуратной парковкой Йохен себя утруждать не стал. И сразу несколько человек в ливреях (по такой-то жаре) побежало нам навстречу, когда машина криво подъехала к крыльцу, заскочив правым передним колесом на несколько ступенек. Но так как на господ в ливреях никто из нас внимания не обратил, они просто остановились чуть поодаль в ожидании.

Мы всей компанией быстро выбрались из машины и направились к широким вращающимся дверям, которые вели на заполненный клубами, ресторанами, арт-объектами и развлекательными пространствами пляж.

Господа в ливреях так и держались на почтительном расстоянии от нас, не решаясь обратиться и попросить переставить машину. Многочисленные же туристы с нескрываемым интересом наблюдали за происходящим – не каждый день увидишь группу одаренной молодежи, наряженную в римские туники, еще и дополненные лавровыми венками.

Когда мы проходили через широкие двери, я пристально глянул на идущего впереди Йохена, который припарковался столь вызывающе криво.

– Йохен – большой поборник законности и порядка, – заметив мой взгляд, пояснил Бастиан фон Валленштайн.

– Заметно, – озадаченно прокомментировал я, потому что совершенно не понял пояснения.

– Машина – по факту угнанная, – обернулся все слышавший Йохен. – Но если бы я припарковался по закону, никто бы не посмел ее забрать, мы ведь на ней приехали. А так персонал Тропиканы будет вынужден вызвать службу эвакуации, которая доставит автомобиль на стоянку, откуда его уже передадут законному владельцу. Так будет быстрее, и это меньшее зло, которое вернет на место порядок вещей.

– О-о-о... – оценило замысел Йохена сразу несколько возгласов.

– А на чем мы обратно поедem, ты не думал? – поинтересовался Валера.

– Не думаю, что это будет проблемой, – произнес вдруг молчаливый Судзуки.

– Да лицом торганем, – согласился с ним Барятинский. – Тут автосалон недалеко, я видел, когда парковались.

Мне его фраза про торговлю лицом хоть и оказалась непривычна, но здесь и сейчас она не несла никакого негативного оттенка. Потому что среди одаренных, которые не пользовались имплантами личных терминалов, в порядке вещей было жить без айди и документов, а покупки совершать одной лишь фразой «запишите на мой счет», разрешающей идентификацию платежной системы по скану лица.

Невольно мы приостановились – потому что куда идти, никто, в общем-то, и не знал. Я осмотрелся – мы были на пальмовой аллее пляжного клуба, где отдых не прекращался ни на минуту, вне зависимости от времени суток.

Оглядываясь вокруг, я невольно сравнил происходящее здесь с танцполами клубов Ямы в Южных районах Высокого Града. И при всей внешней непохожести увиденное мне казалось максимально похожим друг на друга. С поправкой на то, что в Яме собирались низы социального общества, а здесь верхи; все то же самое, только здесь все же обертка дороже и ярче.

Наша компания по-прежнему привлекала внимание, хотя и не так сильно, как на площади. Все же разнообразных кадров и без нас здесь хватало – при пляжном минимуме одежды наряды на любой вкус, как было на пляжах Казантипа, пока фестиваль не прикрыли.

И, оглядываясь, я заметил, что вокруг нас, словно круги по воде – только сходясь, а не расходясь, собираются люди. Опытные тусовщики и тусовщицы, модели эскорта и «нужные» околоуголовые личности по типу серых посредников или сутенеров. Собиралась все они вокруг нас будто невзначай потому, что где компания одаренных – там могут быть большие деньги и веселье.

– Сначала за «пылью» или машиной? – между тем поднял руку фон Валленштайн, призывая нас к порядку.

– Надо разделиться и сделать все быстро, нам задерживаться на одном месте не стоит, – произнес молчавший до этого Леонид. – Бастиан, Йохен – с вас машина. Твоя очередь, – глянул наследник греческого престола на фон Валленштайна.

Судя по смешкам Бярятинского и Йохена, я предположил, что предыдущая покупка машины совершалась в общей компании Леонидом, и тогда у парней тоже все было весело. Леонид между тем продолжал:

– Мы за веществами, встречаемся... – греческий принц осмотрелся и ткнул в сторону похожей на зиккурат пирамиды чуть поодаль от нас. Когда оба немца удалились, мы – почти перебежками, направились в сторону вытянувшегося вдоль пляжа нескончаемого танцпола.

Выбор доступных психоактивных веществ в этом мире – благодаря в том числе и магической алхимии, был существенно больше, чем у меня дома. Кроме того, местные законы запрещали вещества далеко не все (лоббисты каннабиноидов здесь давным-давно победили лоббистов этанола). И из-за подобного разнообразия и условно разрешенного распространения в туристических зонах были неписанные правила продажи веществ, с условным даже дресс-кодом под каждый ассортимент. Так что продавца нужного кайфа найти труда, думаю, нам не составит. И действительно – не составило.

– Вон, у стойки, – первым я заметил человека, явно похожего на нужного дилера. Ну а кем еще может быть смуглый двухметровый тощий парень в растаманской цветастой вязаной шапке, натянутой на густую одуванчиковую копну курчавых волос, вырвиглазного цвета гавайской рубашке и толстой кожаной жилетке?

– Кто организует покупку? – поинтересовался Судзуки.

Вопрос, на самом деле, непростой. Потому что напрямую покупать вещества для аристократа в этом мире – это гораздо хуже для репутации, чем если зарабатывать на жизнь рекламой ЗОЖа блогер будет застигнут за обедом в бургерной.

Поэтому даже при наличии реальных денег – золотых или серебряных монет, подойти и купить было непросто. Тем более денег у нас не было – только лица. И для того чтобы купить по безналу, нам необходимо было подзвать одного из вьющихся рядом «нужных» людей, интонационно договориться, заказать пару коктейлей – золотых по цене, еще и с чаевыми, с которых именно бармен покупал у дилера, а «нужный» человек уже у бармена, и вся участвующая грядка с этого имела профит.

В результате всего одна доза для аристократа выходила в такую сумму, на которую я всю Лядскую Лярву в Яме мог отправить в райские планы на несколько суток. Это уже во мне голос и расчеты Олега говорят, отметил я.

Но вопрос был не столько в стоимости. Подобная покупка с многочисленными эквивоками не только напоминала ритуальные шаманские пляски, но и занимала уйму времени. Которого – если девушки из Ядовитого плюща решат попробовать вернуть нас под крыло, у нас не было.

– Кто купит? – удивился я, не желая это время тратить. – Да я возьму, пять сек. Валер, закажи, пожалуйста, одну бутылку шампанского, только не открывай.

Валера выдал губами дребезжащий звук, но спорить не стал – подошел к стойке и жестом подзвал бармена.

Увидев, как Леонид удивленно поднял брови, но кивнул, я отделился от компании и уверенно направился к наркодилеру.

- Здорово, бро, – поприветствовал я растамана на английском.
- Мир тебе, брат, – протяжно кивнул тот.
- Есть че? – уже на русском поинтересовался я.

Последовала небольшая пауза. Растаман оценивающе посмотрел поверх моего плеча на остальную компанию, оставшуюся поодаль. Потом удивлено пожал плечами – то, что одаренный аристократ пришел к нему покупать напрямую, его удивило. Но не слишком сильно – судя по виду, растаман сам был в меру обгашен.

- Тебе взлететь или упасть, брат? – сильным голосом поинтересовался он.
- Всего, и побольше, – кивнул я, – мы гуляем.

Растаман еще раз внимательно осмотрел меня, потом компанию за моей спиной, после чего кивнул сам себе и распахнул жилетку. По многочисленным прозрачным кармашкам которой было расфасовано невероятное количество веществ – от никотиновых сигарет и амфетаминовых колес до ингаляторов с элизиумом.

– Уух ты! – с неподдельной радостью воскликнул я. Отвлекся ненадолго – к нам уже подскочил бармен и поставил передо мной на стойку бутылку шампанского Veuve Clicquot с приметной желтой этикеткой. Вдова Клико – ну вот на фига такое дорогое? Надо ведь было еще уточнить, чтобы подешевле заказывал – укорил я себя запоздало.

- Брат, так ты будешь брать? – запахивая жилетку, поинтересовался дилер.

– Конечно, конечно, – покивал я. А после сделал вид, что достаю из кармана невидимого пиджака невидимое удостоверение, и тщательно выверенным жестом раскрыл его перед лицом растамана.

– Полиция Майами, отдел нравов. Вы задержаны за торговлю запрещенными веществами. У вас есть право говорить, но все сказанное будет использовано против вас. Видимые повреждения, включая выбитые зубы и сломанные кости, согласно еще не написанному протоколу были получены вами до прибытия в участок.

- Чего? – не сразу понял, в чем дело, дилер.

– В участок пошли, что! – повысил я голос. – Полиция, не видишь?! – еще раз показал я ему свое невидимое воображаемое удостоверение.

Растаман и так уже слабо понимал, что происходит, а сейчас у него вообще система засбоила. Но все же слово «полиция» он понял, и это понимание запустило простейшие рефлексы – растаман развернулся и побежал вдоль стойки в сторону соломенного бунгало, в котором, наверное, располагалась охрана.

Взяв со стойки бутылку Вдовы Клико, я ее подкинул с вращением, поймал и бросил – с размаха подкрутки, словно бейсбольный пинчер. Крутанувшись в воздухе, бутылка толстым доньшком прилетела прямо в затылок растаману. Убегающий дилер замер на полушаге прямо в полете несделанного шага – словно получил разряд тазера, и рухнул ничком.

– Ах это крепкое английское стекло! – восхитился я, подходя ближе и останавливая ногой неразбившуюся и пытающуюся укатиться бутылку шампанского.

К нам уже бежала группа охраны Тропиканы, но, подходя ближе, охранники теряли запал и скорость. А вот «нужные» люди, чувствуя запах наживы, наоборот, как-то вновь стали расходиться – теперь уже правильными кругами по воде. Как полагается, прочь от нас.

– Спокойно, спокойно! Произошло недоразумение, – сообщил я паре подбежавших охранников. – Это мой друг, у него солнечный удар! Сейчас мы отнесем моего дружищу в лаунж-зону, там я дам ему таблетку от головы, и все будет хорошо.

Барятинский восхищенно чертыхнулся, поражаясь простоте решения вопроса. Вдруг рядом громыхнуло – так громко, что я вздрогнул. Обернувшись, увидел, что Леонид скрутил с шампанского пробку и, похлестав пеной по сторонам, сделал хороший глоток прямо из горлышка, а после передал бутылку дальше по кругу.

– Запишите на счет этого господина, – чужим голосом от ударивших в нос газов напитка сказал только что глотнувший Валера бармену и показал на меня.

Я в ответ на это только восхищенно выругался.

– И еще парочку принесите, – добавил Валера, видимо добывая контрольно.

– Вошел: и пробка в потолок, вина кометы брызнул ток, – произнес вдруг Леонид, а после кивнул в сторону распростертого тела: – Пред ним roast-beef окровавленный, и трюфли, роскошь юных лет... – по небрежному отношению к слову ради рифмы я понял, что греческий наследник процитировал Александра Сергеевича.

Ох уж эта аристократия – и ведь он не играет сейчас, это его естественное состояние жизни. А вот Судзуки молодец – безо всякого позерства первым подошел и взял за руку поверженного растамана. Остальные также подхватили тело, растянув пауком, и понесли к месту встречи, передавая друг другу открытое шампанское. Я шел последним – задержался, ожидая, пока бармен принесет еще пару заказанных Валерой бутылок.

В клубе Чичен-Ица мы сразу заняли отдельную комнату. Несколько минут ожидания, и вскоре подошли Йохен и фон Валленштайн.

– Карета подана, господа, – сообщил внук знаменитой одаренной, а после внимательно оглянулся по сторонам. – Оу. Was ist das? – задал он вопрос на немецком.

– Сумка-переноска, – пояснил Барятинский, и после его фразы все принялись за дело. До этого растаман лежал в сторонке, и на него показательно не обращали внимания, ожидая немцев.

Как в каждом уважающем себя клубе, в нашей комнате нашлось зеркало с полочкой, на которую мы несколько пакетиков «ангельской пыли» щедро и высыпали. Позаимствовав коктейльную трубочку – в этом мире купюры не в ходу, а в напитки часто втыкают специальную третью, более короткую и широкую трубку, мы поочередно вдули рассыпанный белоснежный порошок, переливающийся магическим сиянием.

Меня моментально на миг словно вынесло в невесомость – так бывает в полусне с ощущением падения; только сейчас подкинуло верх. За спиной будто выросли крылья, а тело наполнила необычайная легкость.

– Оу-оу-оу, – не выдержал я, чувствуя, что меня перестают держать ноги, и при этом ощущая потребность взлететь прямо сейчас. Мой порыв остановил Барятинский, который поймал движение моей руки и сунул в нее бутылку шампанского. После он помог мне поднести бутылку ко рту и сделать пару глотков.

– Спасибо, – поблагодарил я его, рукой смахивая колючие струйки шампанского, текущие по подбородку. Но моя благодарность потонула в общих возгласах и звуках звенящих бутылок – пили прямо так, из горла.

Только сейчас я понял необходимость заказанного Валерой шампанского, как оказалось, просто останавливающего порыв к полету. Ведь память Олега мне это подсказать не могла: сам он вещества не употреблял. Да и все же в Южных и Яме крутился все больше, и среди его знакомых просто не было тех, кто мог позволить себе «ангельскую пыль», и тем более «слезу». Именно поэтому я и не был в курсе нюансов местных трендов и способов сделать жизнь ярче, но короче.

– За Триаду! – провозгласил между тем тост Валера, и все снова выпили.

Вот про это я слышал. «Великая студенческая триада»: «слеза» блокирует защиту от алкоголя, «слезу» снимает «ангельская пыль», а наркотический эффект «ангельской пыли» снимает алкоголь. От которого можно избавиться способностями одаренного и вновь пойти на очередной круг, закапав «слезу».

– Итак, господа, – прервал многочисленные возгласы фон Валленштайн. – Мы сейчас отсюда выйдем, и у охраны будут к нам справедливые вопросы по поводу насилия над личностью, – показал он на находящегося в беспмятстве растамана.

Ему и Йохену уже успели рассказать, как я «купил» вещества.

– Не рискнут, – фыркнул Леонид.

– Если мы возьмем с собой его ношу, тогда, несомненно, возникнут, – показал на распахнутую жилетку дилера рассудительный фон Валленштайн. – А если нам захочется вновь достать адское зелье и райское пойло, каждый раз подобное устраивать?

– Я же с ним подружился, – произнес я после секундной паузы, показав на тело.

– И?

– И мы не будем ничего у него забирать и отбирать, а просто возьмем его с собой целиком, – закончил я. – Это же мой новый друг!

Через несколько минут, допив шампанское, мы вышли из бунгало. Очнувшегося растамана – который впрочем тщательно это скрывал, притворяясь почти мертвым, тащил за собой теперь один Бярятинский, взяв того за щиколотку. Голова дилера болталась по полу, но густая шевелюра амортизировала даже при подсчете ступеней на крыльце, поэтому опасения за здоровье не было.

Выходили мы из Тропиканы через другие ворота – ближе к пирамиде, не через те, в которые заходили. И ни охрана, ни появившиеся в отдалении офицеры сразу нескольких нарядов туристической полиции нам ни слова не сказали.

Дело было даже не в том, что мы одаренные – и поэтому полиция к нам не приближалась. Здесь – в этом мире, и тем более в курортной зоне, психоактивные вещества не все были запрещены. Но дилеры, конечно же, торговали и запрещенкой – такой, как «ангельская пыль». А туристическая полиция и охрана клубов этого, конечно же, упорно не замечали, делая среди прочих свой маленький гешефт.

Так что им самим гораздо проще и дешевле сейчас проводить нас до двери клуба, делая вид, что не замечают, каким образом безжизненное тело с нами стало безжизненным, и забыть о произошедшем. Потому что, если попробовать задержать одаренных – сразу же прилетят представляющие их интересы юристы, и аристократы поедут домой. А вот вопрос, каким образом у торгующего по лицензии на территории клуба растамана оказались запрещенные вещества, останется.

У крыльца нас ждал ярко-красный кабриолет мерседес, к которому целенаправленно и двинулись фон Валленштайн и Йохен. Последний сразу запрыгнул за руль, Бастиан сел на переднее пассажирское сиденье, а мы втроем – я, Валера и Симадзу, устроились на заднем.

Подождали немного, пока Бярятинский и Леонид запихнут растамана в багажник. Закончив, оба запрыгнули к нам назад, заставив потесниться – мест уже не было, и они сели на сложенный тент крыши. Йохен сразу мягко тронулся с места. Но как тронулся, так сразу и остановился – потому что из багажника пришедший в себя наркочилер попытался выбраться.

– Эгей, друг! – обернулся к нему Бярятинский. – Ты без сознания, и лучше бы тебе там оставаться. Или придется повторить, – показал он характерный жест удара. Растаман дураком не был и снова сделал вид, что он все еще без сознания. Поворочался только еще немного осторожно, поудобнее устраиваясь в багажнике.

– За одеждой? – поинтересовался я.

– А надо? – задумчиво спросил Леонид, оборачиваясь и осматривая нас. – Мы вроде и так неплохо смотримся.

– Это действительно будет забавно, – пробормотал негромко фон Валленштайн себе под нос, а после добавил что-то по-немецки.

В результате недолгого обсуждения решили, что сначала в нормальный бар за выпивкой, а после уже определимся, что делать. Поехали мы еще дальше к основанию пальмы – на знаменитые на весь мир барные улочки. Когда доехали, кстати, нас уже сопровождало несколько машин туристической полиции. Видимо, для проформы – ни приближаться, ни тем более арестовывать пока никто не собирался.

В первом же баре, уже после второго бокала с Белым русским действительность вокруг меня приобрела рваный вид, отпечатываясь в памяти отдельными картинками. То и дело, когда алкогольная кома подступала все ближе, я очищал организм, осматривался вокруг трезвым взглядом – и, понимая, что смотреть на это невозможно, закидывал в себя очередной коктейль.

Ближе к полуночи, перемещаясь по всей Хургаде в марафонском темпе претендующих на золото в командном чемпионате мира по литрболу, мы успели побывать не менее чем в двух десятках баров и клубов, а еще поучаствовали в трех веселых драках. После второй, кстати – с английскими футбольными фанатами, мы поменяли все же туники на костюмы. Которые нам пошла прямо в одном из баров прибывшая с выездом команда ателье с прет-а-порте принтером в специальном грузовике, в кузове которого была и раздевалка оборудована.

Пока выбирали костюмы и переодевались, мы под руководством фон Валленштайна выучили почти весь текст *Was wollen wir trinken*, а уже после – в одном из тематических клубов с переодетыми в монашек официантками, с моей подачи заучили припев песни Истребители вампиров.

Ближе к ночи, протрезвев в очередной раз, я поймал момент и намекнул Валере, что нам пора бы отчаливать в сторону виллы FV33, в которой должна находиться Марьяна. Принц долгое время пытался сфокусировать на мне пьяный взгляд и собрать в кучу мысли.

– Прямо сейчас уходим?! – сквозь гремящую музыку заорал мне прямо в ухо Валера.

Как назло, крикнул он это аккуратно в момент паузы между долбящими из колонок басами, так что его возглас услышал фон Валленштайн. Валера уже – запоздало, очистился стихийным импульсом и, придя в себя, кивнул. Но было поздно – на нас обратил внимание не только пра(п-ра)внук знаменитой одаренной, но и греческий наследник. Оба они подошли ближе, также стряхивая опьянение.

– Нам пора, – просто сказал Валера, скупым жестом показывая в сторону выхода.

– Ой ладно, так хорошо ж сидели, – воскликнул Барятинский, который также, заметив серьезность во взглядах, быстро скинул с себя пьяную пелену. Я только выругался мысленно – вот это вот ушли незаметно, по-английски.

Судзуки тоже подошел ближе. Один Йохен не присутствовал при разговоре – он спал на диване, запрокинув голову и смачно причмокивая.

– У нас здесь есть некоторые дела, – произнес я, взвешивая каждое слово. – Которые, при всей для нас важности, могут запятнать репутацию, поэтому нам лучше сейчас ретироваться.

Общий возмущенный гомон был наполнен смысловыми возгласами о том, что пили вместе и отвечать будем за все вместе. И вообще, это не мы должны бороться за репутацию, а репутация за нас.

– Это... личное, – произнес я, вновь пытаясь найти подходящие слова.

В ответ высказались почти все, и в многочисленных упреках прозвучало, что я сам в случае, если бы кому нужна была помощь в решении личных проблем, в сторону отходить бы не стал.

Подумав немного, я переглянулся с Валерой. Действительно, помощь бы нам не помешала, а план у меня нарисовался сразу достаточно простой. Для его исполнения потребовалась бутылка водки, два стакана яблочного сока, Барятинский и разбуженный Йохен. В результате первого этапа проводимой операции «Пьяный водитель и пьяный Казанова» через четверть часа мы уже летели по магистрали, оглашая ночную Хургаду песнями и криками.

Туристическая полиция также по-прежнему следовала за нами, но это было уже всего два патрульных автомобиля, а не целая кавалькада, как в самом начале. Вели мы себя прилично, хотя и не задерживались нигде надолго в безумном марафоне, поэтому количество сопровождающих к ночи уменьшили. И в сопровождении небольшого эскорта мы пролетели по стволу пальмы-острова, в сторону верхних веток.

Проезд в элитный район был перегорожен резными чугунными воротами, которые – на удивление, нам открыли. Потому что Йохен принялся громко сигналить, а Бярятинский кричать о том, что его ждет прекрасная дама, с которой он познакомился совсем недавно, но уже беззаветно влюблен и желает предложить ей свою руку и сердце.

План был достаточно прост – и в финальной стадии его исполнения наш кабриолет въехал вместе с воротами на территорию виллы FV32. Йохен, которого с половины бутылки водки, выпитой из горла, уже ощутимо вело, будто бы случайно не справился с управлением. Мелькнули кусты, разорвали воздух самые разные крики, и кабриолет, пролетев через сад, заехал в красивую беседку прямо у бассейна, ломая деревянные решетки, увитые вьющимся растением.

Оставшаяся в машине компания принялась пьяными голосами звать прекрасную деву, кто-то сразу нырнул в бассейн. По легенде, Бярятинский просто перепутал адрес – якобы или прекрасная дама сообщила его, сознательно введя в заблуждение, или он просто неправильно запомнил, ах какая незадача. И сейчас, пока впереди разборки с удивленной полицией и хозяевами участка, у нас достаточно времени. Которое с Валерой мы не теряли – выскочив из машины, едва пролетели через выбитые ворота.

Двигались в скольжении – мир вокруг расцвел серыми красками, растянувшись в серую пелену на периферии зрения. Ускорились мы оба для того, чтобы камеры – если они есть на участке, нас не заметили.

Перемахнув через отделяющий от соседней виллы забор, мы с Валерой двумя тенями заскочили на открытую террасу. Именно в этом доме – по информации Эльвиры, проживала Марьяна.

Только оказавшись под крышей, мы с принцем практически одновременно вышли из скольжения, возвращаясь к нормальному течению времени. К нормальному течению времени, но не облику – Валера так и остался в форме черного ягуара.

Вот только мельком глянув на него, я обратил внимание на изменения. В прошлый раз, когда видел принца, обернувшегося в иную форму, он был просто большим хищником, кожа которого была словно подернута мглистой пеленой лоскутов Тьмы. Сейчас же вполне обычный раньше на вид черный ягуар словно прошел апгрейд – лапы его стали шире, когти длиннее, а на глянцево блестящей шерсти узорами темнела чернотой густого мрака вязь растительного орнамента.

Это он так усилился в процессе обучения, или его облик изменился после ритуала кровавого союза? – заинтересованно подумал я, когда столкнулся с желтыми глазами хищника.

Вопрос оставил на потом – от угла к углу, от укрытия к укрытию мы передвигались по коридорам и залам просторного здания в поисках Марьяны. Следов человеческого присутствия видно не было – вокруг стерильная чистота и порядок, вила словно необитаема. Внутренним радаром я сознательно не пользовался – потому что Марьяна может это почувствовать.

Валера не зря не стал возвращаться в свой истинный облик: в форме черного ягуара он обладал нечеловеческим нюхом и уверенно привел меня к лестнице на второй этаж.

Двумя бесшумными тенями мы поднялись, прошли по длинному коридору галереи и оказались у двери спальни. Створка была приоткрыта, а на пол ложился мерцающий отсвет огня живого света.

Нашли, надо же – удивился я.

На несколько секунд мы замерли, обдумывая дальнейшие действия. Краем восприятия я при этом слышал суету в соседней усадьбе – громкие голоса Бярятинского и Йохена, которые рассказывали полиции занимательную историю знакомства с прекрасной дамой, демонстрируя забытый ей предмет гардероба. Это, кстати, был бюстгальтер – который Бярятинский довольно виртуозно добыл в перерыве между глотками водки перед выходом.

После небольшой паузы я переглянулся с Валерой, глядя в желтые глаза ягуара сверху вниз. И пожал плечами: мол, что стоять – раз уж пришли.

Створка двери распахнулась, и мы вдвоем залетели в комнату, будучи готовыми в любой момент встретить угрозу – все же Марьяна одаренная, пусть и оперирует силой Земли. Я не знаю, в каком она ранге, но в гимназии часто поднималась тема того, что директор наша выбрала путь развития тупиковый, без возможности разрушения и лечения. Причем часто в разговорах сквозило пренебрежение – потому что тупиковой эту ветвь развития признали вполне официально, эдиктом одного из номерных конвентов стихийных одаренных, исключив из перечня обучения в магических заведениях.

Марьяна Альбертовна была здесь. Отстраненная от работы директор гимназии сидела в кресле у трюмо с зеркалом. Она была в полупрозрачном пеньюаре, с тщательно уложенными волосами и в фамильных – судя по блеску бриллиантов в свете свечи, драгоценностях.

- Вы пришли, – негромко произнесла Марьяна, глядя на нас через отражение в зеркале.
- Были сомнения? – с трудом контролируя голос, произнес я.

Краем глаза оглядевшись, я отметил, что эта комната – единственное место в доме, где видны следы человеческого присутствия. Увидел сбитое белье на широком ложе, несколько бутылок из-под вина на прикроватном столике, полупустой бокал. На подушке лежала перевернутая книга. «Бесы» Достоевского.

- Была, так скажем, надежда, – улыбнулась Марьяна.

– Не оправдалась, – глядя по сторонам больше не глазами, а внутренним радаром, произнес я. Говорить было непросто – я сейчас вошел в скольжение, будучи не в движении. Первый раз подобный трюк провернул с Самантой Дуглас, когда сражался с ней на смертельном турнире.

- Совсем наоборот, – вновь улыбнулась Марьяна.

Надо же, сумела удивить. Она что, нас ждала?

– Меня вам уже не стоит опасаться, – почувствовала напряжение силы в моем голосе Марьяна. Подняв руку, она заставила материализоваться свой ранговый перстень, после показала его нам, сняла и бросила перед собой на трюмо. Кольцо – с удивительно громким в наступившей тишине звуком, щелкнуло и проскользило по блестящей поверхности.

В темно-зеленом щите печати горела сдержанным светом силы серебряная римская цифра «VIII». Увидев это, я знатно... удивился. И замер, буквально впад в ступор, просто не зная, что делать: если Марьяна решит оказать нам сопротивление, я не уверен, что мы сможем с ней справиться. Вернее, уверен, что не сможем.

Да, она повелевает созидательными силами природы – очень узконаправленными и здесь, в пустынной местности побережья Красного моря, сильно, так скажем, урезанными; да, у нее просто нет атакующих заклинаний, но если мы с Валерой попробуем ее пленить или убить – даже призвав всю возможную силу Тьмы, мы можем разобрать по кирпичикам близлежащий квартал, а вот Марьяна даже не сильно устанет защищаться. Все же восьмой золотой ранг – это почти космос.

- Вы уже мертвы. Вы знаете это? – неожиданно произнесла бывшая директор гимназии.
- Не удивили, – только и фыркнул я пренебрежительно.

– А ведь действительно, – покивав, в какой-то мере даже удивилась сама Марьяна и даже обернулась к нам.

Только сейчас я заметил, что с макияжем и прической она весьма и весьма красива и привлекательна. За строгой маской директора гимназии на это внимания как-то совсем не обращал.

– Марьяна Альбертовна, может, к делу? – поинтересовался я. – У нас есть вопросы, у вас ответы.

Бывшая директор гимназии только покачала головой и засмеялась.

- Ты очень наглый, Артур Волков. У меня есть к тебе предложение.

– Внимательно слушаю.

– Я сообщу тебе место, где хранятся мои записи и дневники. А ты не будешь мешать мне умереть красиво.

Несколько десятков секунд в спальне стояла тишина.

– Я не...

– Я не торгуюсь.

То, что мы с Валерой гарантированно ее не загасим, с таким-то рангом, – это очевидно. Можем попробовать, но этот азартный танец может продолжаться хоть до завтрашнего вечера. Примерно с таким успехом можно пытаться победить гусеничный тягач МТ-ЛБ, вооружившись двумя молотками.

Несмотря на это, Валера, кстати, незаметно отошел чуть в сторону. Он так же, как и я, вошел в скольжение, будучи готовым в любой момент броситься на Марьяну.

Но это нереально. К тому же если бы мы были на полигоне, пытаюсь совершить удивительное, – это одно. Но ведь когда начнут рушиться стены дома, сюда на огонек точно заглянет полиция. А после гарантированно инквизиция – темные искусства дело такое.

Но Марьяна не хотела и не собиралась с нами сражаться.

Она сказала, что «мы уже умерли» – что бы это ни значило. Но и она сама уже умерла – я вижу на ее столе опасную бритву и ингалятор с элизиумом. Райские врата, своеобразный способ самоубийства, весьма популярный среди экзальтированной молодежи и проигравшейся аристократии.

– В общем и целом я согласен, – произнес я. – Но у меня есть вопрос.

Марьяна Альбертовна чуть приподняла брови. Во взгляде ее мне почудилась некоторая насмешка.

– Вы давно так сидите? – кивнул я на опасную бритву и ингалятор. – Нас дожидаетесь или собирались с духом?

– Ты догадливый, – усмехнулась бывшая директор гимназии. – Вас дожидалась.

– Зачем?

– Вы не знаете, с какими силами связались, – покачала головой Марьяна.

– И?

– И я не знала. Из-за этого умерла. Я немного поторговалась, немного схитрила и купила себе жизни до вчерашнего дня. Хорошо, что вы пришли. Хотя шли вы очень долго, почти опоздали, – не скрывая пренебрежения к нашей скорости и разочарования этим, покачала она головой.

– Постойте, – немного с глуповатым видом выдал я. – Так адрес виллы, получается...

– Какой ты догадливый, Артур Волков, – фыркнула Марьяна.

Ну да. Не Эльвира нашла адрес виллы бывшего директора гимназии, а сама Марьяна подкинула ей каким-то образом его.

– Так мы здесь при чем?

– При том, что чудеса ведь случаются. И вдруг у вас что-то получится.

– Против тех, кто против нас?

– Да.

– Но почему бы вам не принять участие на стороне нас, потому что вы теперь и против тех, кто против нас?

Марьяна даже вникать не стала в смысл озвученных мною связей, устало вернувшись взглядом к своему отражению и поправляя выбившийся из прически локон.

– Но вы ведь можете хотя бы сказать, кто против нас, – уже с интересом осведомился я.

Марьяна промолчала, а после пальцем – вдруг объятый темно-зеленым пламенем руки, едва-едва коснулась виска, постучав пару раз. Действие стоило ей невероятного напряжения – в отражении зеркала я видел, как на лбу у женщины выступили многочисленные капельки пота.

Причем ее жеста я вообще не понял и смотрел сейчас на бывшего директора как баран на новые ворота. Чем вызвал ее разочарование – отходя от удивительного усилия выполнения простого жеста, она недвусмысленно подняла брови и покачала головой.

«Ментальный блок?» – услышал я мыслеречь Валеры, который в отличие от меня сразу догадался, о чем речь.

Ментальный блок? Это что получается – если Марьяна сейчас что-то начнет говорить нам за пределами разрешенного, ее голова просто взорвется, как у допрашивающих меня менталистов? Но у меня блок поставлен на внешнее вмешательство, а у нее на собственные действия. И понятно сейчас ее напряжение – ментальный блок ведь ставит барьеры в самом сознании. Причем частично она все же может с этим справиться. Хотя совсем неудивительно, что смогла – она ведь восьмого ранга...

Так, стоп – все же начал до меня понемногу доходить уровень происходящего. А кто тогда, holy fucking shit, тот, кто вообще смог ей – одаренной восьмого ранга, ментальный барьер поставить?

В другой ситуации я бы, наверное, почувствовал, что у меня, без обмана, задрожали ноги, и ощутил бы себя бегущим по рельсам в атаку навстречу гудящему локомотиву, несущемуся на полной скорости. Но я начал свой путь в этом мире с контракта с Князем Тьмы Астеротом. А сегодня ночью вообще переспал с Анастасией – опекаемой, между прочим, Князем Света Люцифером.

«А вот последнее, может, и поопасней будет», – рассудительно подсказал внутренний голос.

– Мы согласны, – кивнул я Марьяне.

Собеседница подтверждающим жестом прикрыла глаза и развернулась на стуле. Когда глаза она открыла вновь, они горели густым темно-зеленым огнем. Как и кисти женщины, объятые магическим пламенем. Достав из ящика трюмо письменные принадлежности, она – судя по виду и отсвету магического пламени, максимально сосредоточилась и сконцентрировалась. Макнув старомодное перо в чернила, Марьяна быстро написала что-то на чистом листе, и только после этого приняла прежний вид. Почти прежний – потому что руки ее, уже лишённые окутывающих лоскутов магической силы, заметно подрагивали, а сама она была бледной до молочной белизны.

Сделав несколько глубоких вдохов, Марьяна с невеселой, но какой-то удовлетворенной усмешкой протянула мне лист бумаги.

«Et_in_Arcadia_ego» – было написано на нем каллиграфическим почерком. И ниже приписка: «Ел-д, в-л, а/к 33».

Елисаветград, вокзал, автоматическая камера хранения, ячейка тридцать три – быстро расшифровал я сокращения к коду доступа.

– А теперь оставьте меня, будьте любезны, – произнесла Марьяна.

Мы с Валерой переглянулись, но с места не сдвинулись.

– Ну, как знаете, – неожиданно покладисто улыбнулась бывший директор гимназии. Больше не обращая на нас абсолютно никакого внимания, она обернулась к зеркалу, оставшись наедине сама с собой. Женщина внимательно себя осмотрела, после снова поправила все выбивающийся локон, легко коснулась бриллиантового кольца и взяла опасную бритву.

Вены себе она перерезала без раздумий и качественно, так что кровь щедро брызнула на пеньюар. Улыбнувшись самой себе в зеркало, Марьяна посидела несколько секунд, взглядываясь сквозь свое отражение в прожитые года.

– Марьяна Альбертовна, – окликнул я ее.

Все же как-то она устроила встречу, отсекала хвосты и дождалась нас, спасибо ей за это. Пусть и делая это только из-за того, что самой не получилось нас убить и использовать. И для того, чтобы насолить своим палачам и нашим противникам.

После моих слов бывшая директор гимназии с нескрываемым раздражением посмотрела мне в глаза через отражение в зеркале. Ее верхняя губа дрогнула в злой гримасе – все же не в самый подходящий момент я ее отвлек.

– Я еще не знаю, кто против нас. Но с нами Бог, так что пусть другие боятся, – ровным голосом произнес я и улыбнулся самой мерзкой улыбкой, на которую был способен.

Пусть у нее остается надежда. Мне не жалко, а ей приятно.

Моя догадка подтвердилась – видя мою спокойную уверенность, Марьяна Альбертовна вдруг улыбнулась, а после окровавленной рукой взяла ингалятор и пшикнула в рот элизиума.

Сверкнула краткая вспышка – наркотик высшей пробы, с магической составляющей, и лицо Марьяны сразу разгладилось. Для нее мгновение остановилось – она сейчас плавала в океане блаженства. Ворота в рай – об этом старом как мир способе самоубийства я слышал, но видел в первый раз.

– Уходим? – негромко поинтересовался вернувшийся в человеческий облик Валера, заставив меня вздрогнуть.

– Она сказала, что времени купила себе до вчерашнего дня.

– И?

– И думаю, что она наверняка запутала свои следы – иначе нас бы здесь ждали. Но в любом случае ее найдут, и в любом случае кто-то придет проверить, выполнила ли она свою часть договора, самоубившись. Будем мы ждать этого проверяющего здесь или понадеемся на ее записи, которые вообще не факт, что есть, и прямо сейчас стартанем в Елисаветград?

Глава 3

- А... а что это было вообще?
- Ты про что?
- Ну вот это: «Вы уже мертвы, вы не знаете, с какими силами связались...»
- Да хрен его знает, Валер, – совершенно искренне покачал я головой. – Я ж не лошадь.
- В смысле?
- Ну в смысле у меня голова не такая большая, как у лошади, мозгов меньше.
- Так ты импровизировал? Просто брал с полок потока сознания самые рядом лежащие слова и ложил на язык?
- Не ложил, а клал.
- Непринципиально.
- Ну типа того.
- Так это император? – прежним скучающим тоном поинтересовался он.
- Валер.
- А.
- Ты видел лорда-повелителя, которого я убил?
- Думаешь, тут из этих играют?
- Пусть лошади думают, у них голова большая. Я действую, реагируя на проблемы по мере их поступления.

Мы вели довольно ленивую беседу, общаясь легким вариантом мыслеречи – беззвучно шевеля губами. Усилий для этого прилагать не было необходимости, и если по губам рядом читать некому, то и подслушать никто не сможет.

Находились мы все еще на вилле FV33, в ожидании проверяющего гостя. Устроились в мансарде, так что можно было прекрасно обозревать подходы к вилле и окрестности. Отсюда, кстати, была хорошо видна территория соседской виллы. На лужайке которой, частично накрытый обломками беседки, раскорячился покореженный ярко-красный кабриолет.

В соседнем доме горел свет, играла музыка и доносились громкие крики. Веселье там происходило нешуточное. Пока мы разговаривали с Марьяной, а после решали оставаться в засаде или нет, на лужайке соседней виллы приземлился конвертоплан с ее хозяйкой или управляющей – не знаю.

Причем прибыла машина в сопровождении еще двух военных транспортов, из которых вывалилась сразу пара десятков упакованных бойцов-корпоратов. При виде столь зубастой компании мы с Валерой, если честно, напряглись – появилось опасение, что придется вмешиваться и пытаться помочь собутыльникам. Но обошлось: увидев и оценив, кто именно заехал к ней на территорию, прибывшая главная леди сориентировалась весьма быстро – вся компания переместилась в дом, а конвертопланы с попрыгавшими обратно корпоратами оперативно отчалили, скрывшись в ночном небе.

Все ушли, а рядом с разбитым кабриолетом на газоне остался валяться одинокий бюстгальтер – тот самый, которым размахивал Бярятинский, желая использовать его для поисков дамы сердца. Столь деликатный предмет гардероба был брошен и позабыт. Более того, на место ЧП один за другим прибыли сразу несколько конвертопланов в раскраске корпорации СМТ, из которых выходили весьма и весьма очаровательные леди. И далеко не эскортницы, кстати, – порода и стать видны даже с такого расстояния. Да и охрана из корпоратов опять же.

Прибывшее к хозяйке или управляющей виллы подкрепление в виде подруг, видимо, убедило и Бярятинского, и всю честную компанию в том, что они ничуть не хуже забытой и потерянной золушки. Дамы, кстати, действительно были огонь – потому что несколько раз вся компания выбиралась из дома купаться в бассейн.

Ну а мы, раз веселье в соседней вилле продолжалось, решили пока подождать. Если отмеренный Марьяне срок закончился еще вчера, пару часов назад с наступлением полуночи, значит, есть вариант, что ее следы скоро обнаружат и придут проверять.

Валера наблюдал визуально – чутким взглядом хищника, а я то и дело сканировал пространство внутренним зрением. Но вокруг никого, кроме веселящейся на соседней вилле компании, в окрестностях. И живых, и искусственных людей не было – я уже умел сканировать пространство на предмет органики, а не аур.

Да, никого больше вокруг не было, кроме забытого всеми растамана. Видимо, связываться с полицией он не захотел, и спрятался за кустами. Сейчас неудачливый дилер спал под забором, отделяющим виллу Марьяны от соседской, – видимо, разморило на мягкой земле, так что прикорнул, коротая время.

– Артур? – окликнул меня Валера, отвлекая.

– А? – вздрогнул я.

– Но ты понимаешь, что мы в реальной жопе? Другого глобуса у нас нет, и это просто п...

Когда рядом нет прекрасных дам и не требуется фильтровать выражения, озвучивать мысли как-то проще – отметил я. Валера между тем говорил что-то еще, но я не слушал. Потому что меня вдруг – буквально эффектом оголенного провода в спину, перетряхнуло неожиданной догадкой.

– Артур! – чуть повысил голос (мысленно) Валера. – Ты там от осознания опасности в обморок упал? – поинтересовался он, когда я посмотрел в его желтые глаза.

Молча покачав головой, я приподнял руку, попросив времени на раздумья.

Господи, почему я иногда такой тугой?

Мои нынешние ментальные умения уже давным-давно превосходили обычные человеческие. Произошло это как-то буднично и незаметно – в череде постоянных проблем, магических взрывов, умирающих рядом людей, тренировок с Андре и учебных занятий в гимназии для одаренных. И меня уже не удивляет, что я могу просто залезть в свою память и легко восстановить картинку воспоминаний – с такой же легкостью, как открыть жесткий диск на компьютере с архивом старых фото или видео.

Раскладывая на картинки, я – достав их из глубин памяти, сейчас наблюдал кабинет в усадьбе Юсуповых-Штейнберг. А если точнее – наше совещание по поводу Власова после атаки демонов, едва не угробившей Анастасию. Как наяву перед внутренним взором сейчас видел едва живую княжну, которая бледной тенью сидела в кресле; Валеру, испуганного Фридмана – который с тщательно скрываемым внутренним напряжением рассказывал, что мы обсуждаем наши дальнейшие действия, подходящие под определение государственной измены.

– Ой ладно, – хмыкнул тогда со своего места Валера, комментируя слова Фридмана, и добавил легкомысленно: – Всего-то голову отрубят.

– Лицам дворянского сословия, – поправил его Фридман. – Пгеставители иных сословий подлежат повешению...

Чужие голоса в воспоминаниях я слышал предельно четко – мыслеобразы настолько яркие, что я сейчас словно там нахожусь, в прошлом.

– Могу поработать над путями отхода, – встречаю в беседу, после слов Валеры и Фридмана вдруг на английском произнес тогда Элимелех, вынырнув из своего личного космоса.

– Что он сказал? – почти сразу поинтересовался Валера.

– Говорит, что есть места на планете, где нас не достанут, – ответил я, думая в тот момент совершенно о другом.

– На какой планете? – усмехнулся Валера, покачав головой. – Пусть ерунду не говорит... Вот оно.

Когда вообще Элимелех влезал в разговоры с ненужным замечанием? Если он открывал рот, то говорил всегда – всегда! – сугубо по делу. И если он сказал, что может поработать над путями отхода, значит, он был готов гарантировать безопасность места, куда ведут эти пути.

Вновь у меня сложилась очередная картинка пазла. Катализатором в числе прочего стало то, что я увидел невероятные способности Марьяны по исполнению ментального блока. Почему именно это? Да потому что Элимелех – с его невероятной скоростью обработки данных также обладает способностями, которые с человеческими даже рядом не стоят.

«На другой планете?» – вновь перед внутренним взором возникла у меня картинка того, как усмехнулся Валера, переводя тогда тему.

Сейчас, заглядывая в глубину воспоминаний, я смотрел в лицо Элимелеха. И по выражению глаз чернокожего танцора понял – exactly! Вот именно – Элимелех путь отхода предлагал, абсолютно точно имея в виду укрытия не этого мира.

Сейчас мне – после того как я несколько раз побывал в одном из нижних планов, это не кажется чем-то из ряда вон. Тем более кто мне отправил Элимелеха в помощь и сопровождение? Князь Тьмы Астерот, и это тоже очевидно.

От возникших догадок у меня дыхание перехватило. Я глубоко вздохнул, крупно вздрогнув и передернув плечами в ознобе.

– Ты в туалет, что ли, хочешь? – участливо поинтересовался Валера. – Не держи в себе, выпусти чувства на волю...

Отмахнувшись, я быстро сформулировал свои выводы и изложил их Валере. На случай, если сам я не доживу до встречи с Элимелехом. И пусть они разберутся с ним вместе с Эльвирой. Единственное условие Валере поставил – забрать с собой Зоряну, если все станет совсем плохо.

Некоторое время после этого мы сидели в молчании. Веселье на соседней вилле тоже затухало, в бассейне больше никто не купался, а собравшиеся, видимо, перемещались по спальням, разбиваясь на пары. По крайней мере, одна пара точно: шторы на видном нам окне были задернуты, но, так как прикроватный светильник стоял очень удачно, по играющим теням можно было отчетливо наблюдать позы и ход процесса.

– Артур.

– А?

– Но ты понимаешь, что даже страшно представить, кто против нас?

– Ты в туалет, что ли, хочешь? – участливо поинтересовался я, возвращая должок. – Не держи в себе, выпусти чувства на волю...

– Я серьезно, – сверкнул он желтыми – в его пограничном состоянии оборотничества сейчас, глазами.

– Дахусим, – по-японски произнес я.

– Чего? – не понял Валера.

– Во время Олимпиады в Саппоро один из фаворитов, русский лыжник, стартовал почти последним. И незадолго до его старта повалил тяжелый липкий снег, лишая его шанса на победу. К нему, когда он торопливо менял смазку на лыжах, подошел японский корреспондент и с сочувствием превосходства спросил – как вам бежать-то, такой ведь снег пошел?

Некоторое время помолчали.

– И чего? – вновь поинтересовался не понявший прикола Валера.

– Как чего? На следующий день одна из японских газет вышла с заголовком, что советский российский лыжник сказал волшебное слово «дахусим» и выиграл Олимпиаду.

– А в Саппоро разве была Олимпиада?

– Ну, может, не в Саппоро дело было, – легко пожал я плечами. – Смысл ты понял.

Еще несколько минут помолчали.

– Артур?

– А?

– А смысл-то какой?

Еще часа два провели в молчании и ожидании. Спокойствие вокруг нарушилось лишь единожды – на лужайку соседней виллы приземлился конвертоплан и забрал всю компанию. И это хорошо – потому что теперь никто не узнает, что залетело через выбитые ворота в виллу семь человек, а покинули ее всего пять.

– Шесть тридцать четыре, – посмотрел на антикварные часы с кукушкой на стене Валера.

– Угу, – кивнул я.

– До вечера будем ждать?

– Нам еще в Елисаветград попасть надо.

– Тогда?

– Давай, если через полчаса никто не появится, сваливаем.

– Угу.

В ожидании прошло полчаса. И еще десять минут. И еще пять.

– Пора сваливать, тебе не кажется? – произнес Валера, вновь взглянув на часы с кукушкой.

– Уже поздно, – увидел я на подъездной дороге автомобиль в раскраске и с рекламой клинингового сервиса. Это я по рисункам пиктограмм ведер и швабры догадался, надписи были на французском.

Машина заехала в автоматически открывшиеся ворота и, прошелестев колесами по гравии, остановилась. Хлопнула дверь, и появившаяся благообразная тетенька в переднике горничной двинулась к дому. Но, вопреки ожиданиям, в дом не зашла, а направилась к подсобному помещению в крыле рядом с бассейном.

Мы с Валерой только переглянулись – как все это не вовремя. Есть, конечно, вариант, что именно эта тетенька реальная представительница серьезных сил – в смысле наделенный полномочиями представитель, специальный агент, шпион и так далее. Но, скорее всего, это работа втемную – просто клининговую фирму наняли навести порядок в доме, а благообразная уборщица вполне обычный человек и совершенно не знает, что ее здесь ждет. О чем я Валере мысленно и сообщил.

Подтверждая догадку, сначала благообразная тетенька убралась во дворе, потом на террасе, после пропылесосила специальной машиной бассейн, явно выполняя список работ по чек-листу. После, убрав клининговые принадлежности обратно в подсобку, она направилась в дом. Некоторое время снизу раздавался приглушенный звук работы, и в процессе уборщица несколько раз выходила к машине, вынося мусорные пакеты.

Несмотря на то, что уборщица скрылась из зоны прямого наблюдения, я прекрасно видел все ее движения. Потому что, закрыв глаза, смотрел внутренним радаром. Вся вилла для меня сейчас отображалась в изометрической проекции, а красный силуэт фигуры уборщицы перемещался по помещениям.

«Сейчас она обнаружит Марьяну, вызовет полицию – и уходим», – мысленно обратился я к Валере.

Благообразная тетенька уборщица между тем зашла в соседнюю с нами комнату. Где, уронив голову на плечо – красивая даже в смерти, сидела Марьяна перед своим отражением в зеркале. Я тронул было за плечо Валеру – пора сматываться, но вдруг удержался и сжал его руку.

Уборщица вполне спокойно осмотрела место самоубийства. Я не видел ни ее лица, ни эмоций – только силуэт. Но даже аура не изменилась – благообразная на вид тетенька не испытала никаких эмоций.

Подойдя ближе, она проверила пульс Марьяны – все же одержимые отличаются от людей, и даже через несколько часов после смерти Марьяна выглядела почти как живая. Убедившись,

что женщина точно мертва, уборщица вышла из комнаты и направилась по коридору – явно к машине, чтобы вызвать полицию.

Вышел в коридор я вместе с дверью, которая впечаталась в женщину. Тетенька – когда плотно двери влетело ей в лицо, глухо охнула и отлетела в стену. Звучно ударившись затылком, она потеряла сознание.

– Это стоит расценивать как политическое заявление? – поинтересовался Валера, глядя на сломанные старомодные очки, валяющиеся на полу. Только на вид старомодные – так вполне технологичный девайс, в таких очень многие ходят из тех, у кого денег на линзы дополненной реальности нет.

На всякий случай очки я раздавил подошвой – хотя они и были выключены. Я это заметил, вылетая в коридор за миг до того, как дверь в лицо даме прилетела. Еще один факт в копилку подозрений – которые, надеюсь, оправданны.

– Валер, кусты акации у забора в соседней усадьбе, – обернулся я к принцу. – Там рас-таман спит, возьми у него все ингаляторы элизиума, которые найдешь.

– Аэ... – развел руки Валера, глядя на распростертый на полу божий одуванчик с расплюснутым носом.

Принц явно хотел напомнить мне об уважении к старшим и соблюдении Женевских конвенций, но не сразу нашел слова.

– Валера! – поторопил я его. – Цигель, цигель!

Валера исчез, а я – ежесекундно ожидая подвоха, перевернул уборщицу на живот, сорвал с нее фартук и, смотав его, туго стянул пленнице руки. Потом сорвал со стены декоративные веревки в обрамлении картины современного искусства и перехлестнул женщине ноги, туго стягивая.

Не каждому разведчику нужно быть суперменом-терминатором. Вернее, даже вообще никакому разведчику это не нужно. Махать кулаками, метко стрелять и угонять самолеты и поезда – это для блокбастеров, а не для реальной жизни, в которой все прозаичнее. Но с развитием технологий этого мира я не уверен, что в нокаутированной мною тетушке нет парочки имплантов, которые могут весьма осложнить мне жизнь.

Если я не ошибся. Потому что если я ошибся – это просто... просто не очень хорошо будет.

Вернулся Валера. Заморачиваться он не стал и просто принес жилетку растамана. Достав из кармашка, он бросил на трюмо ингалятор с элизиумом. Я в этот момент проверил, как связаны руки у тетушки уборщицы, и надавил ей за ухом. И одновременно вошел в скольжение, будучи готовым ко всему.

«Не ошибся», – сообщил мне внутренний голос, когда очнувшаяся от боли уборщица сначала несколько мгновений – даже больше секунды, прислушивалась к ощущениям, окружению и анализировала ситуацию. И только потом она запоздало взвыла от боли. Но крик моментально прекратился – я закатил даме хлесткую оплеуху, так что лязгнули зубы.

– Привет, – глянул я в ошарашенно-испуганные глаза, появляясь в поле зрения тетушки. И когда она, захлебываясь страхом и слезами, попыталась что-то сказать на испанском, я удовлетворенно кивнул. Потому что заметил в глубине взгляда холодную оценку.

– Здесь вопросы задаю я, – на русском сказал я даме.

Далеко не факт, что передо мной та самая испанская или латиноамериканская синьора, которая работает в предоставляющей услуги уборки компании. Эта самая синьора может лежать на дне морском, а дама передо мной – специально обученный сотрудник в маске. В настоящей маске, которая на лицо накладывается, – причем не того кустарного исполнения, как та, в которой расхаживал я вместе с Фридманом по Кобрину и Высокому Граду.

Обернувшись к Валере, я показал двумя пальцами себе на глаза, а после на пленницу. Мол, наблюдай. После подошел к мертвой Марьяне и, чуть отодвинув тело от спинки стула,

достал сползший с ее плеч шелковый шарф. Одним движением я захлестнул им голову пленницы и резко дернул – так, что ткань натянулась, давя на губы и заставляя раскрыть рот.

Тетушка утробно застонала, когда я завязал узел на ее затылке и рывком потянул ткань еще сильнее, затягивая кляп. Оглянувшись по сторонам, я заметил ведро с растаявшим льдом, в котором лежала уполовиненная бутылка с шампанским. Было бы отлично, если б лед не растаял – проверить, маска на лице пленницы или нет. Но не судьба, печально.

Осмотревшись еще, остановился на бронзовой фигурке амура. Подхватил, взвесил. То, что доктор прописал.

Присев рядом с тетушкой уборщицей, сорвал с нее одну туфлю. Женщина почувствовала неладное и попробовала убрать ногу, но я был быстрее. Ударил сильно, прямо основанием амура по большому пальцу, срывая ноготь. Брызнула кровь, и, несмотря на кляп, тетушка звывала довольно громко – громкий стон рвался прямо из груди.

– Не нравится? – участливо поинтересовался я, поймав взгляд уборщицы. И, глядя ей в глаза, ударил еще раз – кроша сустав и буквально расплющив большой палец. Идущий прямо из ее груди утробный вой стал слишком громким, и я ударил тетушке по ребрам, лишая возможности дышать. Быстро поднялся, подхватил с трюмо ингалятор и показал пленнице.

– Знаешь, что это?

Уборщица, беззвучно всхлипывая, обливаясь соплями и слезами, активно замотала головой, громко подвывая. Отличный уровень игры – если бы не мои темные способности, я бы никогда не усомнился.

– Сейчас узнаешь. Валер, держи ей голову, – посмотрел я на принца.

Даже сквозь кляп прорвался истошный крик. И я ее понимаю – нет таких пыток, которые может выдержать человек. А если кто-то думает иначе, он просто не сталкивался с профессионалами.

Я держал сейчас в руках ингалятор с элизиумом. Как и предполагал, это был обычный вариант, без магической составляющей. Марьяна пользовалась самым дорогим, с магической «ангельской пылью», сразу отправляющей в рай, а этот необходимо было использовать в комплексе: поймать кайф от иного вещества и только после этого поставить время на паузу ингалятором. И если Валера во время моего следующего удара грамотно поймает момент и вовремя впрыснет наркотик в рот благообразной тетушке, мгновенье муки просто застынет для нее. И она, кстати, судя по взгляду, это прекрасно понимала.

– У нас мало времени, и ты видела наши лица. Умрешь в любом случае, но как – это уже твой выбор, – доверительно сообщил я пленнице. – Валер, держи крепче, – посмотрел я через ее плечо, поднимая бронзового беззаботного амура.

Пленница задергалась и замычала утробно – что-то сказать ей мешал кляп. Но, судя по интонациям, она усиленно пыталась донести до нас все свое непонимание и ужас. Очень, кстати, достоверно все это изображая.

«А не переигрывает ли она?» – спросил я сам себя. Быстро метнувшись, почти прыгнув к принесенной Валерой жилетке, покопался по карманам и вздохнул с облегчением, найдя искомое.

– Валер, – обратился я к принцу. – Будь на месте секретного агента, что бы первым делом сделал? Правильно, поставил бы блокиратор порога боли, – улыбнулся я тетушке. – А что у нас есть, что гарантированно выбьет его из строя? Правильно, бутылочка чистой «слезы». И все для тебя, – продемонстрировал я флакон пленнице.

После этого она наконец перестала притворяться. И задергалась так, что затрещала ткань и подпрыгнул стул. Удивительная прыть для столь благообразной тетушки.

Неудивительно – если залить столько «слезы» обычному, неодаренному человеку, печени гарантированно хана. Но не сразу, а за это время она успеет слетать в муки рая не раз и не два.

– Хочешь поговорить? – посмотрел я в глаза уборщицы. Закивала она слишком уж активно, отчего у меня появились вполне обоснованные опасения.

Или тянет время, или есть для нас сюрприз. Но выслушать надо, а потом экспресс-допрос нужно будет форсировать – есть у меня уверенность, что о провале агента знаем уже не только мы втроем в этой комнате.

«Валера, внимание!» – мысленно обратился я к принцу, заставив его предельно настроиться в ожидании подвоха.

Едва я ослабил кляп, тетушка заговорила.

– Я работаю на...

Убить нас бы не убило, но мое восклицание спасло нас от неприятных травм и ожогов. Потому что не успела женщина даже произнести начало фразы, как она высветилась изнутри, словно спираль в загоревшейся лампе накаливания. Мгновенье – и обжигающий свет наполнил тело настолько ярко, что мы на краткий миг увидели яркий силуэт скелета внутри. А после тетушка вспыхнула сверхновой и раздался взрыв.

Мы с Валерой уже вышли в окно – в скольжении, покинув комнату заранее. Но все равно взрывная волна нас догнала – подтолкнув в спину и удлинив полет. Прокатившись по крыше террасы, мы одновременно рухнули на мягкий газон. Почти сразу вскочили, поднимаясь и осматриваясь. В стене дома зияла огромная дыра, оставшаяся от взрыва; оседала пыль, падали на землю обломки, перемигивались огни пожарной сигнализации.

«Я поражен, и меня переполняют эмоции», – доверительно сообщил мне Валера, правда, уложился всего в два слова.

Неожиданно совсем рядом я увидел отблеск движения по черепице террасы, с которой мы только что скатились, и машинально вытянул руку навстречу росчерку. Поймав перстень Марьяны, я почему-то даже не удивился.

Перстень не хотел здесь оставаться. Когда свыкаешься с наличием магии в мире, подобные догадки воспринимаются легко и естественно.

«Уходим отсюда как можно быстрее?» – поинтересовался Валера. В этот раз, кстати, он смог уложиться всего в одно слово.

Покачав головой, я показал в сторону стоящей на подъездной дорожке машины с эмблемами ведра и швабры.

– Есть идея. Погнали, по дороге расскажу.

Догадка о том, что Элимелех – случись нужда, знает места, где можно гарантированно спрятаться, грела душу. И у меня появилось удивительно пьянящее состояние – как совсем недавно у греческого наследника, который за покерным столом играл легко и непринужденно, как истинно рожденный побеждать.

Глава 4

Машина, на которой приехала уборщица, была открыта. В этом мире в благополучных районах вообще закрывать что-либо не всегда требуется – везде глаз Большого Брата, от которого не спрятаться не скрыться.

Присев на водительское место, я нажал кнопку аварийной сигнализации, с усилием утопив ее на второй уровень до щелчка, после чего откинулась декоративная панель системы оповещения.

К нам сейчас – из-за взрыва на территории виллы, наверняка кавалерия туристической полиции летит, так пусть еще и городская полиция включается. Потому что экстренный вызов из автомобиля городской службы отправится на пульт городской полиции Хургады, а не в отдел туристической полиции. Разные ведомства.

Одну за другой я вжал все кнопки сообщений о чрезвычайных ситуациях, оставив ненажатой только кнопку сообщения о нарушении авторского права. Это, думаю, сейчас все же будет лишним.

– Добрый день, чем могу помочь? – моментально заинтересовался приятный голос диспетчера экстренных служб.

– Убийство, а также покушение на убийство владеющего одаренного, вилла FV33 на острове... на острове, не знаю, как он называется, посмотрите по геолокации, пожалуйста.

– К вам отправлена группа быстрого реагирования, – все тем же приятным голосом ответила диспетчер. – Требуется ли кому экстренная медицинская помощь?

– Нет, все уже умерли, – зачем-то покачал я головой.

– Необходима ли вам психологическая поддержка?

– На всякий случай побудьте здесь и никуда не уходите до прибытия наряда, – фальшиво улыбнулся я в один из экранов, через который – опытом памяти Олега знал, что на меня смотрит диспетчер.

После этого вылез из машины и осмотрел пока чистое небо над головой.

– Артур?

– Валер?

– Я не знаю, что ты задумал, но это блудняк какой-то.

– Верь мне, все под контролем.

– Вот это меня и пугает.

– Дикий покер.

– Подробнее?

– Ты играл когда-нибудь в покер со ставками на виртуальные фишки?

– Чего?

– Виртуальные деньги без цены, фантики. Игра на интерес.

– А смысл так играть в покер?

– Вот именно. В ходе тренировки, играя на фантики, люди творят такую дикую дичь при розыгрышах, что иногда с ними некомфортно за одним столом сидеть.

– Дичь, ах какое удивительное слово. Артур, ты хочешь напугать ежика голым задом?

– Если это выглядит глупо, но работает, то это не глупо.

– Кавалерия прибыла, – показал вдруг чуть в сторону Валера, который мои действия явно не одобрял.

Я высматривал гостей со стороны города, а конвертоплан туристической полиции неожиданно подошел со стороны моря. Это была современная угловатая машина с преобладанием белого в раскраске и с черно-красными полосами по бортам, в цвет национального египетского

флага. На широком тупом носу машины красовалась эмблема туристической полиции, с расправившим крылья египетским орлом.

Белый конвертоплан приземлился за территорией виллы, на площадке у ворот. Я уже был у калитки – замок не сработал, и пришлось выбить ногой. Мое движение вызвало переполох среди выпрыгивающих на бетон дороги полицейских в белых бронекостюмах, я даже пожалел об излишней резкости. Но, к счастью, никто стрелять не стал. К их счастью в том числе.

– Кто главный? – поинтересовался я на русском, встав в проеме выбитой калитки, закрывая проход.

Впрочем, никто из полицейских вперед и не стремился – наши с Валерой лица в их визорах не идентифицируются, лишь указывается принадлежность к владеющим одаренным. И, скорее всего, отображается еще и национальная принадлежность, но насчет этого не поручусь.

После моего вопроса вперед сразу вышел высокий европеец. Chef d'escadron – командир эскадрона, присмотрелся я к значкам пиктограмм, заменяющим на броне погоны. У офицера, кстати, у единственного забрало было поднято, но смотрел он на меня через голубоватую полосу визора.

– Самоубийство одаренного владеющего, – показал я жандарму на рваную дыру в стене виллы, а после на машину клининговой службы, видную в открытую калитку. – С сопутствующими жертвами. Мне нужно время связаться со своим поверенным, а также прошу предоставить закрытый канал связи с Комитетом ООН по защите прав человека.

Командант едва заметно дернул щекой. Потому что любое ЧП с одаренным – это серьезная проблема, а здесь вообще труп. Кроме того, звание и должность полицейского, как я и предполагал, точно не могли обеспечить мое требование о закрытом канале связи. Тем более с Комитетом ООН по защите прав человека. Это не Элимелех, который сам пишет себе правила, это максимально зарегулированная структура.

– Один момент, – кивнул мне офицер и отошел на пару шагов, легкими пассами явно открывая меня в дополненной реальности. Вместо него вперед шагнул боец со знаком медика на броне, но я только головой покачал, показывая, что помощь никому не требуется.

Вдруг среди прибывших белых полицейских появилась заметная растерянность, переросшая даже в небольшой переполох. Вызван он был еще одним прибывшим конвертопланом. И его эффектным способом появления – машина шла очень низко, практически над дорожным полотном магистрали. Я даже догадался отчего: чтобы прибыть на место как можно быстрее и не пересекать закрытые к полету зоны. Обходя их по дуге над поверхностью моря, как летел к нам конвертоплан туристической полиции.

Эффектно прибывший конвертоплан, поднимающий сейчас тучи пыли, выглядел попроще – явно на два поколения старше и не в таком чистом, вылизанном состоянии, как машина туристической полиции. И основной цвет раскраски у него был не белый, а черный. И раскинувшего крылья орла на тупом кургузом носу машины не было – вполне обычная машина городской полиции Хургады.

Двигатели прибывшего конвертоплана еще громче взвыли на реверсе, машина задрала нос в торможении и очень нагло приземлилась рядом с воротами, заставив белых полицейских разбежаться в стороны. Черная броня выпрыгивающих на бетон дороги полицейских также была попроще и не у всех в полной комплектации; даже оружие частично такое, что без слез не взглянешь. Но, несмотря на это, впечатление полицейские в черном производили вполне серьезное.

Командовал группой городской полиции также европеец, только темноволосый, в звании команданта. Что ранжиром соответствовало прибывшему чуть ранее командиру эскадрона или майору в Армии Конфедерации. Из прибывших черных полицейских он также был единственным без опущенного забрала шлема и так же, как и командир эскадрона, смотрел на меня через полосу визора – только красную, а не синюю.

Увидев столь действенную демонстрацию презрения черной полиции к белой – пару полицейских в белом даже сбило с ног воздушной волной, я понемногу уверился в возможности реализации своей дикой идеи.

Все же полезно иногда выбраться в люди погулять – вот и сегодня ночью, в одном из баров я зацепился с хорошо нагруженным господином. Был он унтер-офицером городской – черной полиции, русскоязычным контрактником. Мой статус одаренного он по причине залитых глаз даже не усмотрел, зато очень обрадовался свободным ушам на чужбине.

Унтер жаловался мне на то, что черные полицейские работают на износ, в том числе и по окрестным горам бедуинов гоняя. Белые же, туристы, как тут называли туристическую полицию, только палкой груши околачивают за несоизмеримо большие деньги, двойной паек, пенсионные отчисления и полный соцпакет. А самая большая проблема у этих гребаных туристов – маркая белая броня.

Еще от подвыпившего унтера я узнал, что относятся черная обычная и белая туристическая полиции к разным ведомствам, по французскому подобию национальной полиции и национальной жандармерии.

Городская черная полиция была в подчинении Министерства внутренних дел Египта, а вторая, туристическая, в двойном подчинении – и МВД, и Министерства обороны. Вот только подчинение МВД у туристических полицейских было только формальное, и даже на прямые указания мог быть положен откровенный болт.

Кроме этого, было и еще одно, менее явное, но при этом гораздо более серьезное разделение. Египет был суверенным государством лишь формально, находясь под совместным протекторатом Франции и Великобритании. И туристическая полиция находилась в прямом (неофициальном) подчинении французской администрации. И весь город Хургада, как центр туризма, за исключением элитных островов-пальм и намывных территорий, был непререкаемой вотчиной корпораций Трансатлантического союза, в котором Франция была одним из лидеров. Городская полиция же подчинялась (также неофициально) администрации британской. Это отражалось и на комплектовании обоих ведомств, и на общей взаимной неприязни.

Вот на всем этом внутреннем противоречии строился каркас моего пока даже не оформившегося до конца гениального плана.

Приглашающим жестом я попросил команданта городской полиции подойти ближе и отошел чуть в сторону, предлагая пройти в выбитую калитку. Командир эскадрона туристической полиции сунулся было зайти следом, но сопровождающие черного полицейского бойцы едва с ним даже не потолкались, перекрывая дорогу.

– Уно моменто, – показал я пальцем в небо, обращаясь к явно озадаченному происходящим белому офицеру.

Отойдя вместе с командантом подальше от ворот, я остановился.

– Вот там, – показал я на дырку в стене дома, а после продемонстрировал полицейскому ранговый перстень Марьяны, – труп одаренной восьмого ранга. Ее угрозами довели до самоубийства. Вот эта – машина, на которой приехал убийца, он же смертник, который покушался и на нашу жизнь активацией взрывного устройства. Я, барон Артур Волков, подданный российской короны, готов дать официальные показания службе городской полиции по факту случившегося.

«Можно я не буду на это смотреть?» – тяжело поинтересовался Валера, демонстративно на меня не глядя и проходя в дом.

Я на расстройство принца даже внимания не обратил. Потому что у меня внутри появилась самая настоящая дьявольская уверенность... не то чтобы в успехе, но в том, что сейчас что-то будет. Причем вот прямо ух. Даже не столько уверенность, а предвкушение.

Командант между тем не сразу понял, о чем именно я говорю. Но через несколько секунд он даже вздрогнул от осознания. Ну да, ну да, где это видано, где это слышано, что одаренный сам в полицию пришел?

– Команданте, у вас есть всего несколько минут. Решите с начальством, участвуете ли вы во всем этом великолепии.

– Что вам нужно? – поинтересовался черный полицейский.

В чем именно участвовать, объяснять не требовалось. Остров-пальма – зона ответственности туристической полиции. Но если я дам показания полиции городской о покушении на убийство одаренного, тем более в ситуации и с трупом одаренного (невиданное дело), то городская полиция сможет вертеть туристическую как на стволе этой самой пальмы очень долгое время. Вертеть с чувством, толком и расстановкой.

Не требовалось команданту и объяснять, что я решил давать показания от испуга или душевного порыва – ясно, что подобным поведением преследую свои цели.

– Мне нужна информация. Трек вот этой машины и приписанной к ней работницы за последнее время, – говоря «этой машины», я едва-едва скосил взгляд на автомобиль клинговой службы. – После по ситуации, думаю, мне нужно будет информационное и, возможно, силовое сопровождение.

Кивнув, командант отошел. Видимо, он имел прямой выход на главу ведомства – потому что его общение не заняло и минуты. Впрочем, совсем неудивительно – ведь отправили именно его разбираться с вызовом в элитный район. Любого, кого попало, сюда не зашлют. Поэтому, кстати, – судя по оперативности прибытия, и высадившийся с ним отряд выглядит как группа реконструкторов разных видов войск разных эпох – надергали звенья из доступных подразделений по высшей отсечке рейтинга.

Командант между тем кивнул мне и, махнув рукой, произнес что-то в переговорник. Почти сразу громче загудели двигатели черного конвертоплана, и он поднялся в воздух. Невысоко – только чтобы забор перелететь и сесть рядом с нами на лужайке.

Судя по всему, это означает, что городская полиция к сотрудничеству готова.

Я быстро подошел, почти подбежал к воротам и, найдя взглядом белого офицера, крикнул ему, что закрытый канал связи с комитетом ООН мне больше не нужен, а поверенному я сам позволю. Когда возвращался обратно, Валера как раз появился из дома с высоким стаканом, в котором было какое-то зеленое на вид пюре.

«Смузи?» – пораженно уставился я на стакан в его руке.

«Vous avez un mauvais français», – сообщил мне Валера, что он думает о качестве моего французского.

«Хоть не с сельдереем?» – с осторожностью глянул я на зеленую кашу в стакане.

«Персик, банан, маракуйя, мята», – мысленно фыркнул Валера, подходя ближе.

«Ты же не собирался участвовать?» – поинтересовался я.

«Я не собирался смотреть», – отмахнулся он.

Двери бокового отсека конвертоплана открылись, и мы с Валерой следом за командантом запрыгнули в салон. Прошли в небольшой командирский закуток, после чего офицер активировал большой, во всю стену монитор с информацией. Да, вполне обычный старорежимный монитор, пусть и немалого размера, – а не уже привычные мне 3D-проекции. Быт обычных людей, даже полицейских, все же отличается от быта одаренных. Здесь все как-то проще и мне старому привычней.

На экране между тем высветилась марка машины, название организации, номерной знак – все на французском.

– На английский, пожалуйста, – попросил я офицера, и командант быстро переключил язык.

Мария Луиса Фернандес; гетеросексуальная женщина, пуэрториканка, 47 лет, католичка (статус – актив), длинная простыня списка семьи из числа близких родственников; в Хургаде на заработках, четырехмесячный контракт, который уже подходит концу.

Числилась Мария Луиса на контракте в компании Чистый мир, которая аутсорсингом предоставляла услуги «человеческих работников». Актуальная проблема при роботизации и автоматизации труда – в странах первого мира законодательно были закреплены право и обязанность. Право работника на труд, обязанность работодателя по предоставлению возможности труда, я сам с этим столкнулся при наборе персонала в усадьбу Делашапель.

Корпорации решали проблему аутсорсингом, нанимая для выполнения нормы живых человеко-часов вот таких вот приезжих. С помощью таких организаций, как Чистый мир.

Рядом с окном сведений о Марии Луисе высветилась интуитивно понятная графика ее перемещений, да и вообще всей частной жизни. Фоном шли списки контактов по убыванию частоты общения, интересы, просмотренные фильмы, соревновательные шоу (любительницей конного поло и городской охоты оказалась тетушка), музыка и книги. Работала Мария Луиса много, развлечениями себя не баловала, даже на пляж не ходила. Хотя чего ей себя баловать. Она сюда все же из Пуэрто-Рико работать приехала, не из Норильска – у нее и дома есть пляжи и солнце.

Маршруты женщины были стандартны. Каждый божий день на протяжении последних трех с половиной месяцев она посещала одиннадцать постоянных объектов, некоторые по два раза. Но иногда, как сегодня, случались разовые вызовы.

Самый серьезный интерес из названий постоянных мест посещения тетушки вызвало два места. Первое – это, собственно, сама компания Чистый дом, от которой приехала сюда Мария Луиса, и второе – небоскреб корпорации Nkr.com, специализирующейся на продуктах питания.

Да-да, те самые бесцветные брикеты сублиматов, которыми я и миллиарды других людей за чертой цивилизованного мира питались в колониях и протекторатах. Подобные брикеты производились именно корпорацией Некромикон, как ее называли в народе. Не совсем созвучно по буквам, но весьма подходяще по названию. «Что мертво, умереть не может» – этот девиз из моего мира весьма подходил к определению продукции корпорации, да и к народному именованию.

Впрочем, в последнее время у корпорации появилось новое общеупотребимое прозвище: Морковка. Несколько лет назад ООН приняла обязательную к выполнению резолюцию о гарантированном проценте натуральных продуктов в безусловном продуктовом наборе для граждан, и Nkr.com в целях выполнения требований общемирового закона пришла в Египет – засеяв огромные площади морковкой. Никто же не требовал богатого разнообразия натурального продукта.

За пару мгновений чекнув воспоминания Олега о корпорации, я вернулся в реальность. Жестом попросил офицера акцентировать внимание на маршрутах Марии Луисы. Кивнув, он увеличил масштаб изображения города. Вообще, Хургада этого мира неприлично разрослась – только в деловом квартале выросло не менее двадцати небоскребов. В большинстве целиком принадлежащих корпорациям, некоторые из которых даже держали здесь свои штаб-квартиры.

Поэтому, кстати, и разница столь заметна между белой и черной полицией: первые, условно подчиняясь французской администрации, спонсируются корпорациями, с которыми атланты в последнее время ведут все более тесную игру. Городская полиция же вотчина британской администрации. И финансируется по остаточному принципу наверняка – работает, и ладно. Британцы в Египте Суэц контролируют, снимая сливки, и здесь у них все остальное – по остаточному принципу. Морковка Некромикона, как и деятельность других корпораций и даже экспорт хлопка, на фоне прибылей канала их не сильно волнует, как понимаю.

Без слов я щелкнул пальцем по экрану с небоскребом, в котором располагался офис компании Чистый мир, а после по небоскребу Некромикона.

Командант мои щелчки по экрану прекрасно понял и вывел уточненные данные. Подразделение компании Чистый мир было небольшим офисом на сорок седьмом этаже башни Кисмет – здесь Мария Луиса работала, а жила на десять этажей ниже. Прокрутив ползунок перемотки, меняя даты, я отследил пару типичных посещений тетушки своего работодателя. Офис действительно небольшой, тело просто так не расчленишь и не спрячешь, не говоря уже о наличии биодеструктора – подсудная тема. Тем более вся информация о статусе женщины во время нахождения в здании у полиции была – биометрия и статус отслеживались в реальном времени, поступая в центр обработки данных.

В башне Кисмет перемещения Марии Луисы (да и каждого жителя и работника) были известны посекундно и в малейших деталях. В отличие от времени посещения небоскреба Некромикона. Вернее, не просто небоскреба, а целого комплекса – их было сразу три, возведенных рядом. Они выглядели как огромные переплетающиеся деревья, были соединены между собой многочисленными переходами, а на самом верху имели общую многоуровневую крышу с садом.

Выделялся небоскреб не только объемом конструкции, но и цветом – все три башни были белоснежными, с редкими вкраплениями зеленой раскраски растительного орнамента. Кроме этого, висячая крыша была весьма внушительным сооружением. Если смотреть сверху, она выглядела как огромный, идеально ровный зеленый круг, на котором белыми строениями выделялся знак радиационной опасности – угловатый трилистник.

Центральной точкой в центре эмблемы белого трилистника служил купол общего холла, куда можно было добраться на лифтах. Три лепестка куполов были офисными и производственными зданиями; зеленый же цвет был создан благодаря многочисленной растительности – не занятая строениями часть крыши была покрыта садами и парками.

Если смотреть издали сверху, то картина белой эмблемы корпорации на зеленом фоне обретала цельность. Правда, эмблема корпорации Nkg.com только для меня была устрашающим знаком – опасное радиационное излучение здесь, в этом мире, отображалось другой пиктограммой, в виде пронзающих фигурку человека лучей.

Вблизи же, с приближением, ощущение цельности эмблемы терялось, как при рассмотрении крупных деталей мозаики. Потому что и в белой архитектуре, и в зелени садов было слишком много разных элементов – террасы, галереи, офисные и производственные помещения, бассейны, сады, парки, поля для гольфа. И не только для гольфа – при ближайшем рассмотрении я заметил несколько демонстрационных полей с пшеницей, кукурузой и морковкой, на которых работали автоматизированные комбайны. Сейчас, вернее, не работали – воскресное утро, смотреть некому, поэтому машины стояли в режиме ожидания.

Именно на эту крышу, самый настоящий город в городе, в течение трех с половиной месяцев ежедневно по расписанию поднималась Мария Луиса. Поднималась для того, чтобы протереть не знающие пыли поверхности, выполняя норму человеко-часов. Но где она это делала, известно не было – потому что в центральном куполе следы ее терались.

Здесь возможности полиции заканчивались – дальше начиналось частное и защищенное от чужих глаз (кроме собственных) корпоративное пространство. Единственная зацепка, что уходила из холла купола уборщица всегда в северный лепесток, где преобладали производственные и офисные помещения среднего звена работников корпорации.

– Мне нужна фотография и описание Марии Луисы, – обернулся я к команданту. Полицейский кивнул, обратившись вниманием к одному из мониторов. Я же посмотрел на принца.
«Валер?»

«Артур?» – поймал он мой взгляд. Так общаться мыслеречью было легче.

«Или наша крестница прибыла уже такой сюда три месяца назад, что вряд ли. Или ее подменили на агента в одном из одиннадцати мест ее посещения, а тело спрятали или бросили в биодеструктор. Но я склонен предполагать, что госпожа Мария Луиса сейчас находится в офисе Некромикона в анабиозе».

«Зачем?»

«Предполагаю, она зашла туда сегодня рано утром, ее усыпили, отправили по разовому вызову агента-маску в ее личине сюда проверить Марьяну, а после по плану нашу Марию Луису должны были вернуть к жизни, просто чуть подкорректировав память, и отправить дальше помыться. Нет тела, нет дела – ничего и никого убивать не надо, как и подчищать».

«И?»

«И я сейчас схожу, найду ее там и передам полиции».

«Если ее там нет?»

«Нарвусь на грубость и расхерачу там все, до чего доберусь, к чертовой бабушке».

«Отличный план», – Валера даже поджал губы и покивал головой.

«Неуместный сарказм я слышу в твоём голосе», – отреагировал я на его интонации.

«Да уж без восторга. Ты хочешь творить дичь, чтобы нас боялись?»

«Бояться не будут, пусть просто нервничают. Слышал такое: никогда не воюйте с русскими – на каждую вашу изощренную хитрость они ответят непроходимой тупостью».

«Не слышал. Но звучит забавно».

«Забавно, но любой профессиональный подход всегда пасует перед слабоумием и отвагой».

«Разово, возможно», – не согласился со мной Валера.

«А я разово и имел в виду, в систему превращать не собираюсь. Корпораты Некромикона – исполнители, но исполнители высокого уровня».

«Вот именно».

«Какой бы ни был высокий уровень, не боги горшки обжигают. Уверен, у них отделы жесткой иерархии вертикального подчинения действуют строго в зарегулированных регламентами рамках».

«И?»

«И все наши возможные действия рассчитываются тактическими анализаторами. Если мы немного сломаем систему разовой акцией, их анализаторы будут выдавать гораздо большее количество вариантов, что расширит пространство необходимого маневра и, возможно, приведет к нехватке ресурсов».

«Они узнают о нас больше. О возможностях, о...»

«Валер».

«Артур?»

«Мы уже умерли, ты забыл? Они и так знают о нас слишком много, а мы про них – совсем ничего».

Несколько секунд помолчали. Очень долгая пауза – потому что мы общались с помощью мыслеречи и происходил разговор гораздо быстрее, чем обычный – не было нужды тратить время на озвучку мыслей.

«Ты хочешь разнести небоскреб корпорации и думаешь, не будет последствий?»

«Ну, разносить я там пока ничего и не собираюсь, так – для красного словца сказанул. Максимум – директору филиала нос сломаю случайно».

«Это будет международный скандал».

«Ты думаешь, им будет выгодно предавать все это огласке?»

«Нет. Но ты привлёк и городскую полицию».

«Ой да ладно, эти тоже поборники общей законности и блага так себе. Они на берегу с корпоратами договорятся, отождут себе просто по максималке от представившейся возможности».

Валера снова ненадолго задумался, а потом вдруг кивнул, проникшись.

«Почему ты сказал, что пойдешь один?»

«Потому что, во-первых, это дичь и я не уверен, что ты готов в этом участвовать, а во-вторых, я могу просто выпрыгнуть в окно сотого этажа и приземлиться в целом виде и без последствий».

«Я тоже так могу, ты меня плохо знаешь».

Спрашивать, каким образом он так может, я не стал. Может и может.

«Ладно, Артур, твой план – откровенно дерьмовый, но другого у нас пока нет. Только вот – устроили мы локальный апокалипсис, прыгнули с небоскреба, а дальше что?» – продолжил Валера.

«Дальше – больше!»

«Остальные небоскребы разбирать?»

«Там пристань совсем рядом. А я вчера, пока некоторые пили, думал о деле».

«И что надумал?»

«Я нанял яхту отряда Зарганс».

«О-о», – протянул Валера уважительно.

Да, просто так швейцарских наемников без нужных связей не подтянешь, Валера не зря удивился. Но я вчера ночью, сразу после того как получил выигрыш, общался ведь с представителем швейцарского банка. А это хищники гораздо опаснее, чем швейцарские наемные отряды из суверенных кланов; и когда я решил отправить выигранные деньги на хранение в представляемый господином банк, банкир с радостью пошел мне навстречу и организовал наем яхты на сутки. Тем более что задача стояла весьма простая – просто взять нас на борт и вывезти из Хургады, а после, опционально, организовать перелет в Архангельск, как программа максимум, или отвезти нас на базу Российского императорского флота на Сокотре.

Принтер между тем заканчивал печатать небольшую таблетку, размером чуть больше айди. Карта ориентировки, которую создал для меня офицер. Который сейчас на меня вопросительно смотрел.

– Господин командант, готов дать показания.

После моих слов он кивнул, быстро активировал через меню детектор лжи и включил запись. Я положил руку на святящийся круг детектора и начал говорить:

– Я, барон Артур Волков, сегодня ночью совершенно случайно оказался в этом районе, на территории виллы FV32. Вспомнив о том, что на соседней вилле проживает моя добрая знакомая Марьяна Альбертовна Жарова, решил зайти к ней в гости выразить свое почтение. В одной из спален я обнаружил незнакомца, внешне похожего на Марию Луису Фернандес, а также тело Марьяны Альбертовны. Судя по виду незнакомца мне человека и моим предположениям, Марьяна Альбертовна, одаренная восьмого золотого ранга, покончила жизнь по принуждению находящегося человекоподобного существа, скрывающегося под личиной Марии Луисы Фернандес. После моего вопроса предполагаемый убийца задействовал мощное взрывное устройство самоуничтожения, которым намеревался причинить мне повреждения, не совместимые с жизнью.

– Почему вы уверены, что находящийся в доме человек – не Мария Луиса Фернандес? – командант владел собой, но не настолько, чтобы, слушая меня, сохранить бесстрастное выражение лица.

Могу его понять. Если уж мы с Валерой удивились, узнав о том, что Марьяна – одаренная такого высокого ранга, что говорить о полицейском. Это как московский участковый по вызову

пришел бы в ЖК Алые Паруса на бытовуху, а там в одном из пентхаусов президент США и английский премьер-министр на кухонных ножах дуэлятся.

– Как владеющий даром, я могу чувствовать разные ауры человека. Аура спрятавшегося под личиной не принадлежала пятидесятилетней женщине, передо мной был молодой хладнокровный убийца, чей пол и гендерную принадлежность я определить затрудняюсь.

– Прошу вас поставить электронную подпись, подтверждая сказанное, – протянул мне планшет командант.

Кивнув, я убрал руку с детектора лжи, который помаргивал зеленым. Обмануть такой – как конфетку у ребенка отнять, меня этому простейшему трюку давным-давно фон Колер научил. И чтобы совсем уж не казалось подозрительным, в ходе своей речи я заставил себя понервничать, а детектор замигать желтым. Лукавил я в том, что оказался здесь «совершенно случайно», и в том, что решил выразить именно «почтение» Марьяне Альбертовне.

Когда я давал показания, Валера смотрел на меня... не то чтобы неодобрительно, а довольно внимательно. Все же жаловаться в полицию на попытку убийства – это не та стратегия, которой придерживаются одаренные аристократы этого мира. И в другой ситуации мое подобное поведение могло нанести урон репутации. Но не в той, к которой мы готовились.

Как раз в этот момент полицейский 3D-принтер закончил печать, и командант передал мне карточку ориентировки. Которая несколькими нажатиями могла трансформироваться или в фотографический портрет, или даже в полноростовую проекцию Марии Луисы, с вариантами образов одежды, макияжа и причесок, которые тетенька использовала за последние три месяца.

– Я могу считаться особо ценным свидетелем? – поинтересовался я, забирая карту ориентировки.

– Несомненно, – просто ответил полицейский.

– Прошу дать мне в сопровождение трех подготовленных, вооруженных и обладающих качественной связью бойцов в качестве охраны.

– Будет сделано. Еще какие-либо пожелания?

– Да. Держите над нами наготове группу быстрого реагирования, возможно появится нужда в эвакуации незаконно удерживаемого гражданина Трансатлантического союза с частной территории корпорации.

Командант только рот приоткрыл. Московский участковый, который на пороге пентхауса столкнулся с бытовой дракой сильных мира сего, вдруг понял, что дерутся они... ну, если не за ядерный чемоданчик, то за нечто близкое по значимости. К примеру, за спички голландского коммуниста – поджигателя Рейхстага, пистолет французского монархиста – убийцы генерала Дарлана или пробирку американского демократа-миротворца, послужившую знаменем вторжения в Ирак.

– Командант?

– Будет машина, – кивнул полицейский, немного отойдя от шока услышанного.

В том, что машина будет, я, кстати, сомневался. Потому что командант сейчас с начальством согласовывать будет. И не факт, что согласует. И не факт еще, что сведения о наших намерениях на сторону не уйдут. Но тут уже осознанный риск, если что, мы просто прогуляемся до холла корпорации и обратно вернемся, закрытым дверям помахав.

Выпрыгнув из полицейского конвертоплана, мы двинулись к воротам. Здесь происходила бурная деятельность – машин черной полиции прибыло уже штук пять. Какие-то приземлились, какие-то парили на виллой, из одного транспорта высаживалась команда криминалистов.

В том, что они что-либо найдут, я сомневался – вспышка света была настолько сильна, что выжгла все, что было в комнате.

«Пешком пойдем?» – ехидно поинтересовался Валера, когда мы выходили через калитку.

«Да сейчас», – только фыркнул я, сворачивая к выбитым ранее и неаккуратно поставленным на место воротам соседней усадьбы. Что задвинутые в сторону туристические поли-

пейские удивились, что городские, когда мы с бесстрастными лицами пролезли через дыру в искореженных воротах.

Я всерьез надеялся, что кабриолет на ходу. И как оказалось, не ошибся – технику знаменитого завода в Зиндельфингене так просто не убить. Без задержек я раскидал по сторонам декоративные деревянные решетки разломанной беседки, увитые плющом, освобождая кузов машины. Обошел вокруг, заглядывая под днище. Вроде не вывесился, должен выехать.

Сел за руль, включил настройку сидений и зеркал под себя, подождал, пока загрузятся автопилот и все программы помощи водителю. Подождал, пока на проекции лобового стекла появится сразу с десятков предупреждений о том, что машина в таком состоянии ехать не может. Особо повеселило сообщение, что закончилась омываечная жидкость блока осветительных приборов. Насмешило потому, что и весь блок осветительных приборов спереди тоже закончился после встречи с решеткой ворот еще вчера.

Когда я смахнул все сообщения, рамка лобового стекла горела красным – показывая, что ехать нам никуда нельзя. Я заставил материализоваться в руке кукри и вскрыл панель приборной доски слева от руля. После переключил один из штекеров и вынул аварийный блок. Красная рамка безопасности сразу пропала, а приборная панель перемигнулась, оживая.

– Воу, как ты умеешь, – восхитился Валера.

Это, кстати, не я умел, а Олег. В Южных районах Высокого Града, в общем-то, так все умели, потому что обслуживание программы безопасности водителя слишком дорогое удовольствие. Даже на машинах городских служб они не всегда работают.

Двигатель зарычал, колеса взвизгнули в скольжении по обломкам дерева, и мерседес вполне бодренько выехал из разломанной декоративной беседки. Не полагаясь на камеру заднего вида, я по старинке развернулся держась рукой за подголовник сиденья Валеры. Проехавшись задом по газону, развернулся и остановился у ворот. Валера вместе со мной выпрыгнул из машины, и мы вдвоем оттянули одну створку, только-только машине проехать.

Полицейские за нашими манипуляциями наблюдали со смешанными чувствами: во-первых, мы сейчас (по всем признакам) угоняли машину, а во-вторых – проникли на частную территорию. Но туристические полицейские к нам не лезли, потому что рядом с нами были черные, а этим было вообще фиолетово – не их зона ответственности.

Прежде чем сесть в машину, мы с Валерой привели ее в божеский вид: окончательно оторвали правое зеркало, привязали буксировочным тросом (он тут как провод вытягивался) полуоторванный бампер и расчистили щерящиеся дыры на месте разбитых фар от осколков. На задний мост еще наматалось достаточно зеленых веников плюща, которым была увита разломанная беседка, но их вырывать мы не стали, так и поехали. За нами, как командант и обещающий, двинулась машина с тремя бойцами. Договорился с начальством, надо же.

На большой скорости миновав длинную прямую магистраль острова-пальмы, мы выехали в город. Воскресенье, раннее утро – машин вокруг немного, людей тоже. Те же, кто были, смотрели и провожали нас взглядами с интересом – мы, в общем-то, закон нарушали, передвигаясь на такой убитой машине.

У магазина одежды я остановился.

– Зачем? – спросил Валера.

– В приличное место идем, – пояснил я необходимость и обернулся к сопровождающим полицейским. – Парни, мы на пять минут!

В магазине воспользовались прет-а-порте принтером. Вышли посвежевшими и чистыми, облаченными в костюмы, в которых принимали участие в недавней вечеринке. Печатать костюмы гимназистов как-то не решились – план у нас отличный, но эмблему гимназии на одежде вряд ли кто поймет. Особенно Татьяна Николаевна – наверняка ведь подумает, что я это вновь специально.

Запрыгнув в машину, не утруждая себя открыванием дверей, выехали с парковки, и я порулил в сторону делового квартала с небоскребами. Ошибиться в направлении было сложно, планировка улиц простая. Так что еще пара минут, и мы были у бело-зеленого дерева из трех небоскребов Некромикона. Припарковались на элитной гостевой парковке – допуск куда нам обеспечило полицейское сопровождение.

Без задержек выпрыгнули из машины и двинулись к широкому крыльцу, накрытому футуристическим козырьком, а троица полицейских шагала следом. Я чувствовал напряжение сопровождающих – броня у них четвертого поколения, никаких ментальных блоков нет.

Три башни небоскребов были соединены не только общей крышей, но и общим основанием первого этажа. Широкие двери из белого матового стекла бесшумно разошлись перед нами, открывая путь в огромных размеров просторный холл, напоминающий многоуровневый терминал аэропорта. Людей здесь, несмотря на ранний час, было немало – прямо как в пятом терминале лондонского Хитроу. Даже внешне похоже по составу и внешнему виду посетителей – время к восьми утра, как раз когда прибывают караваны воздушных судов, везущих пассажиров с Кариб и Восточного побережья США.

Беспрепятственно прошли мимо дежурной охраны – наш статус как пропуск сработал; да и контроля на первом этаже серьезного не было, здесь первый этаж как огромный деловой и торгово-развлекательный центр. Осмотревшись, мы с Валерой двинулись вглубь холла к лифтовым шахтам, которые были похожи на огромные сказочные деревья, вплетенные в архитектуру из стекла и бетона.

Проходя мимо одного из кафе, я запнулся, увидев знакомое лицо. Валера едва в меня не врезался и что-то сказал. Но я не слушал – дьявольское предчувствие все усиливалось, добавляя какого-то удивительного куража. Кроме этого, появилась спокойная, будто кем-то нашептанная уверенность в правильности действий.

– Михаил! Михаил! – закричал я, привлекая внимание. Внимание, несомненно, привлек, а вот нужный человек не обернулся.

– Ты кому? – удивился Валера.

– Да вон, скрипач, – показал я в сторону террасы кафе, где расположился с утренними кофе и круассаном тот самый музыкант, с которым меня познакомила в одном из бутиков Анастасия. Я его бы и не заметил, если бы не футляр с музыкальным инструментом, прислоненный к столику.

Если уж творить дичь, то лучше делать это с музыкой. Эстетически правильнее.

– Михаил! – крикнул я еще раз, наконец привлекая внимание знаменитого скрипача.

Музыкант обернулся и, увидев нас с Валерой, сдержанно обрадовался. Поднялся, подошел, кивком поздоровался и выжидательно посмотрел.

«Он же Василий, а не Михаил», – между тем удивился Валера.

– Михаил, приветствую, – одновременно с Валерой произнес я.

Черт, точно! Василий Михайлов же. Ну, у меня на имена память неидеальная.

– Артур, – коротким кивком поприветствовал меня музыкант. Надо же, и на Михаила согласен, поправлять не стал. А мне теперь его по правильному имени неудобно называть.

– Михаил, у меня к тебе есть просьба. Ты сможешь сыграть мелодию... которую ни разу не слышал, если я тебе мотив напою?

– Ох... – не сразу ответил озадаченный скрипач. – Нет ничего невозможного, но без гарантий.

– Отлично, давай попробуем, – согласился я. – Тунц, ту-ун, ту-ту-тун-тун, ту-ту-тун-тун, ту-ту-тун... Ты-ын, тын, ты-ты-тын, тын, ты-ты-тын...

Напевая главный трек из Игры престолов, я даже как дирижер воображаемой палочкой водил.

Василий Михайлов смотрел на меня очень сдержанно, стараясь никоим образом не выказывать эмоции. Сглотнув, немного нервничая, он достал скрипку и на слух взял первые аккорды.

– А-афигеть! – поразился я его идеальному слуху. – Удивительно, простите, – тут же исправился. Но вскоре мелодия пошла куда-то не туда, а у меня появилась идея.

– Михаил.

– Да? – прервался он.

– Посмотри мне в глаза.

Скрипач посмотрел. Я снова напел, только теперь добавив чуть силы во взгляд. Мои ментальные способности позволяли мне не только сейчас воспроизводить что-то из глубин своей памяти, но и передавать это объемным мыслеобразом.

Может быть, с кем-либо другим это бы и не подействовало, но скрипач был действительно талантлив – и уже буквально через минуту в зале раздался волнующий мелодичный наигрыш. Неслышимый, впрочем, во всеобщей суете.

– Михаил, у меня к тебе просьба. Можешь сейчас сыграть это перед случайной публикой? Здесь недалеко, дел на пять минут.

– Я не уверен, что готов выступить перед случайной публикой. Можете поподробнее об условиях?

– Все просто. Мы сейчас наверх, попробуем попасть в гости к директору филиала, нужно будет сопроводить наигрышем наше появление в верхнем холле, – показал я взглядом на небо.

– Подскажите, что это за мелодия? – невпопад уточнил еще более озадаченный происходящим Василий Михайлов.

– Сам придумал не так давно, – только отмахнулся я. – Можешь забрать себе. Так что, едем?

– Едем, – услышав о том, что может забрать мелодию себе, моментально принял решение музыкант, который, судя по отстраненному взгляду, был все еще среди башен Винтерфелла.

Жестом поманив за собой полицейских, мы уже втроем двинулись к лифту. С мелодичным звуком открылись створки, и мы вошли внутрь вместе с несколькими людьми. С мелодичным же звуком двери лифта закрылись, пол толкнул в ступни, и на краткий миг появилось ощущение невесомости. Семьдесят четыре этажа – я на панели посмотрел, мы преодолели за считанные секунды и вскоре оказались на крыше.

Гостевой купол, в центре которого мы вышли, выполнял роль своеобразного шлюза. Здесь заканчивалась городская земля и начиналась территория корпорации. Обстановка вокруг была схожа с нижним холлом – я бы охарактеризовал это как бездушную жизнь. Серый пол, серые балки перекрытий, а в остальном преобладание стерильности белого, причем без прямых линий, которые чужды природе. Но здесь не было никаких растений, а зелень наблюдалась лишь на эмблемах корпорации на форме административных работников. Зато зелени было много за стеклом – зеркально тонированное снаружи, изнутри оно взгляд не останавливало, и по периметру купола были видны многочисленные растения полей и садов. И, в отличие от нижнего холла, здесь людей практически не было.

На наше появление обратили внимание, но довольно сдержанно. Несколько девушек администраторов у круговой, немалого размера стойки посмотрели на нас, но никак больше пока не реагировали.

Все девушки за стойкой, кстати, были живыми. Неудивительно – все же большинство обитателей первого мира в какой-то степени ретрограды и общению с андроидом всегда предпочтут живого человека. А некоторые и вовсе могут бездушную человекообразную машину принять за оскорбление.

Не приближаясь пока к стойке информации, откуда за нами пристально наблюдали, мы прошли на террасу кафе, точь-в-точь как та, с которой только что затащили с собой Миха-

ила. Сопровождающие нас полицейские внимания не привлекали, но я чувствовал, что они серьезно нервничают и ощущают себя не в своей тарелке. Еще бы – это не их территория, думаю, если бы не мы, они бы в жизни здесь, в небоскребе Некромикона, не оказались.

– Михаил, – обернулся я на скрипача.

– Начинать?

– Да, но лучше подальше от нас. Мне нужно, чтобы ты отвлек на себя внимание прекрасной игрой.

– Игра обязательно должна быть прекрасна? – едва улыбнулся скрипач.

– Вполне возможно, на тебя будут смотреть тысячи глаз с магическим сиянием, – совершенно серьезно сказал я ему.

Музыкант после моих слов даже спину выпрямил – понял, что игра стоит свеч. Тем более что вокруг живых глаз наблюдалось меньше сотни – гостевой купол в отличие от нижнего был почти пуст. Осмотревшись и еще раз мне кивнув, скрипач пошел к эскалатору ведущей на смотровую площадку галереи.

Я достал карточку ориентировки и, отрегулировав размер на самый маленький, вывел изображение фигуры Марии Луисы. Покрутил маленькую, едва двадцать сантиметров в высоту проекцию, запоминая контуры тела женщины до мельчайших деталей.

К нам между тем подкатил по незаметным направляющим робот-официант. Приняв заказ, он отправился к стойке, я же убрал таблетку ориентировки. Затаив дыхание и закрыв глаза, я сосредоточился и максимально сконцентрировался. Мне сейчас предстоит довольно сложная задача, которую я сам даже слабо представляю. Потому что мне надо осмотреть внутренним радаром весь северный лист и засечь Марию Луису, если подходящее под ее антропометрические данные тело осталось там в ожидании обратной замены. И еще маяк на ее местоположение поставить.

Вдох, выдох.

Василий, который уже поднялся на галерею, беззвучно провел смычком по струнам, явно подготавливаясь. Ему потребовалось всего несколько секунд, и вскоре удивительно четко и громко первые аккорды музыки из Игры престолов зазвучали над сводами зала. Естественно, все живое внимание обратилось на скрипача.

Еще вдох, и еще выдох.

Наверняка ведь и защита присутствует, как бы мне мозг себе не сплавить – подумал я перед тем, как бросить все силы на создание сканирующего импульса. Это был прямой аналог ведьмачьего инстинкта Геральта из Ривии; кстати, и получилось у меня подобное, скорее всего, потому, что именно эта визуализация эффекта помогла сформировать желание действия. Это было нечто похожее на выход в изнанку – буквально компиляция всех тех способностей, которыми я понемногу овладевал.

В результате перед внутренним взором я увидел схематичное и размытое изображение всего комплекса северного лепестка. Множество красных тепловых контуров фигур, многие из которых были близки к желтому – неасапианты. И в одном из помещений я увидел искомое – прямо красноватым сиянием привлекло внимание нужное тело, сходное с параметрами антропометрии Марии Луисы.

Сканирование длилось всего долю секунды, еще столько же требовалось на постановку маяка. Не на тело – я бы так не смог, а на привязку к местности. Получилось, после чего я очень быстро вернулся из изнанки обратно в реальность. И сразу начались неприятности: либо вернулся в реальный мир слишком быстро, либо сработала ментальная защита сканируемых помещений, но ощущения были – как будто с разбега врезался в грубую бетонную стену. Я очень четко услышал, как лопаются сосуды, и лицо у меня сразу залило кровью. Полилось из носа, ушей, и даже перед глазами все заслонила багровая пелена кровавых слез.

Усилием сдержав крик, я свернулся как эмбрион и рухнул на пол, зубами закусив рукав предплечья. И все же, не выдержав, застонал сквозь зубы от боли – в голову словно несколько раскаленных штырей засунули, а в череп над бровями будто сумасшедшие демоны колотили молотками.

Валера уже присел рядом, но я отстранил его руку. Жить буду.

– Ни хера себе чихнула, – сплюнув наполнившую рот кровь, прокомментировал я произошедшее глухим голосом.

Оперевшись на руку Валеры, я поднялся, пытаюсь сфокусировать взгляд. Скрипка по-прежнему звучала над сводами зала, привлекая внимание, но несколько человек оглянулись на меня. И смутно, сквозь застилающие глаза кровавые слезы, я высмотрел ближайшего полицейского.

– Дай шлем, пожалуйста, – попросил я его. От моего вопроса полицейский несколько удивился. Секундная заминка, после которой полицейский стянул с себя каску и протянул мне. Надев шлем, я подождал несколько секунд, после чего почувствовал легкое покалывание – заработала встроенная медицинская система, убирая кровь.

В ушах зашелестело помехами настройки, и наступила чуть потрескивающая тишина. Есть связь.

– Командант?

– Здесь.

– Видео работает?

– Работает.

– Окей, тогда смотрите и слушайте, – произнес я.

И попробовал открыть забрало. И не получилось: затворный стопор, находящийся на шлеме за бугром встроенной камеры нашлемного прицельного комплекса, переводиться в открытое состояние не желал.

– Жестче, – подсказал хозяин шлема из-за спины.

«Да епта!» – раздраженно помог я себе универсальным заклинанием и резким ударом – так, что голова дернулась, выбил стопор. Забрало с напряженным жужжанием и с громким щелчком прынуло вверх.

«Jobs, twayu mat'», – сморщился я, потому что от резкого движения в голове взорвался еще очаг боли.

– Михаил! – помахал я скрипачу, который сделал паузу и перестал играть. – Можешь погромче? – в наступившей тишине поинтересовался я.

– Насколько громче? – с галереи поинтересовался музыкант.

– Сильно громче.

Кивнув, музыкант сделал пару шагов назад, взял свой футляр от скрипки и совершил несколько манипуляций. У него там усилитель звука встроенный – догадался я еще до того, как музыка зазвучала так, как полагается – теперь заполняя все пространство вокруг.

После всего произошедшего – выступления Михаила и моего падения со стула, все внимание оказалось сконцентрировано на нас. И во взглядах сотрудников чувствовалось напряженное волнение. Не обращая внимания на нескольких ждущих посетителей, девушки на стойке администрации быстро кому-то что-то докладывали, а вокруг нас уже курсировало несколько охранников.

– Вы с нами не ходите, лучше за парнем присмотрите, – прежде чем двинуться вперед, сообщил я полицейским и показал на играющего скрипача. И повернулся к принцу:

«Валер, погнали?»

Глава 5

Когда приближался к стойке, стянул с головы шлем, после снял пиджак и на ходу вытер окровавленное лицо. Предусмотренного платка в кармане не было, да и не помог бы он. Пиджак, впрочем, тоже не сильно помог – кровь плохо впитывалась в ткань подкладки.

Валера, который держался чуть за моим плечом, шагал с каменным лицом, но по его эмоциям я чувствовал – ему происходящее одновременно и нравится, и пугает. Не в смысле страха, а в смысле опаски оценки наших действий обществом.

– Доброе утро, – широкой улыбкой приветствовала меня самая главная девушка за стойкой. Потому что все остальные были в зеленых блузках, а она одна в белой – именно к ней я и шел.

Приветствуя меня, никакого удивления она не высказала, хотя выгляжу я вызывающе: белоснежная рубашка, заляпанная каплями крови, скомканный пиджак и полицейский шлем в руках. Но даже несмотря на мой вид, девушка ни жестом, ни взглядом не позволила себе непрофессиональных эмоций.

– Доброе утро. Мне нужен директор филиала корпорации Эн-ка-эр-ком в Хургаде, – доверительно сообщил я.

– Вам назначено? – поинтересовалась администратор невозмутимо.

– Нет. Но мне необходимо увидеть его прямо сейчас.

– К сожалению, это невозможно, – всем видом выражая букет участия, сожаления и искреннего сочувствия, произнесла главный администратор. Говорила она, растягивая слова. И хотя смотрела мне прямо в глаза, я видел, что периферийным зрением она наблюдает за происходящим за моей спиной.

– Доброе утро. Могу как-то помочь? – как и ожидал, через мгновение раздался рядом предупредительный голос.

Обернувшись, увидел за спиной холеного господина. Высокий, с посеребренными висками статный мужчина в классическом костюме с эмблемой корпорации на лацкане пиджака. За ним стояли сразу четверо охранников, все в контактных комбинезонах – первом уровне защиты.

– Мне нужен директор филиала корпорации Эн-ка-эр-ком в Хургаде, – произнес я.

Музыка из Игры престолов между тем все набирала силу – Михаил красавец, как играет.

– К сожалению, господин Даниэль Райс на данный момент отсутствует, – вежливо кивнул мне мужчина. – Может быть, мы пройдем в более комфортные комнаты для важных гостей, вы озвучите свой вопрос, мы попробуем связаться с господином Райсом и назначим удобное для встречи время? Или, может быть, я в пределах компетенции смогу вам помочь?

Подошедшего господина мой удивительный вид на первый взгляд тоже нисколько не смутил. Хотя он явно нервничал – я даже заметил, как скользнул его взгляд прямо в объектив камеры прицельного комплекса у меня на шлеме.

– Да и действительно, может, вы сможете помочь? – вдруг вполне естественно обрадовался я.

– Если это будет в моих силах, – предупредительно кивнул мужчина.

Достав из кармана брюк таблетку ориентировки, я со звучным щелчком положил ее на стол. После чего сразу активировал изображение и рядом появилась вполне натуральная на вид проекция головы Марии Луисы. По плечи, как на фотографии паспорта, только объемная.

– Этот человек сейчас находится на территории корпорации Эн-ка-эр-ком в городе Хургада?

Статный господин несколько растерялся. Судя по всему, он не был в курсе происходящего с клоном уборщицы. Я вообще думаю, что об этом мало кто в курсе, даже директор филиала – наверняка в деле максимум пара доверенных человек из службы безопасности.

– Ваши системы контроля допуска позволяют вести учет прибывающих в здание людей. Если в течение пятнадцати секунд я не получу ответ, буду считать, что он отрицательный и Марии Луисы Фернандес в здании нет, – доверительно сообщил я седовласому господину.

В отличие от наших с Валерой лиц, данные на Марию Луису седовласый господин уже видел в дополненной реальности, проецируемой из линз, – я видел, как загорелся у него огонек активности. И судя по тому, как господин вздрогнул, он понял, что я это заметил.

Раз. Два. Три...

Секунды вдруг потекли очень медленно, а скрипка Михаила с волнующим струны души наигрышем зазвучала удивительно громко.

Седовласый господин явно не желал давать ответ на вопрос, потому что дело ясное – мое появление здесь дело темное. Его задачей было навязать мне беседу с тысячей важных, но ненужных слов, давая бесконечные комментарии к моим вопросам, но не давая ответов.

На седьмой секунде я взглядом показал Валере, что пора. Принц стоял чуть в стороне, ему сподручнее. Мелькнуло росчерком – первого охранника Валера вырубил ударом ноги в шею, второго и третьего, в пируэте, отправил спать, втыкая ребро ладони в основании черепа, а четвертого – единственного успевшего среагировать и обернуться, выключил быстрым и резким тычком кулака в челюсть.

Тела неожиданно потерявших сознание охранников еще не упали, а мы с седовласым господином уже бежали вперед, к стене с проходом в северный лепесток построек. Бежали быстро-быстро – все возможности своего организма мой спутник вкладывал в бег, на остальное – даже на крик, у него просто не оставалось сил. Потому что я держал его руку в очень жестком захвате – и чем сильнее давил, тем быстрее он бежал, стараясь скрыться от непереносимой боли.

Время поджимало, активная часть акции началась, так что тормозить перед дверью я даже не стал. Седовласый господин врезался головой в стену – по-моему, на фоне боли в вывернутом суставе на контакт лица со стеной он даже не сильно обратил внимание. Я в момент удара перехватил его руку и положил ладонь на считывающий сканер. Двери открылись, и мы с Валерой забежали в проход.

Навстречу нам рванулось сразу несколько охранников, все неасапианты. Они даже подняли оружие, но Валера успел первым – он вошел в скольжение и, переместившись будто скачком в пространстве, вырубил двоих. Третий даже удивиться не успел, потому что ему в голову, с противным чмокающим звуком разбивая в кровавую маску лицо, ударил брошенный мною шлем.

Подхватив покотившийся шлем, я завернул его в пиджак, завязав рукава, – потому что видео пишется и не надо никому видеть то, что сейчас произойдет. Едва упаковав шлем, я побежал вперед, все дальше и дальше – интуитивно пытаюсь понять, как лучше двигаться в сторону поставленного мною маяка.

И лишь через несколько секунд – удивительно долго для столь серьезной организации, зазвучал мерзкий ревун сирены и замигала подсветка красного аварийного освещения. Поползли в сторону закрываемые двери, даже зачем-то заработала аварийная система пожаротушения. Либо кто-то с перепугу активировал, либо наоборот – у кого надо, есть ведь информация, что я прошел инициацию в огненной стихии. И если от меня ожидают стихийного Огня, залить все водой на моем пути – идея отличная.

Но вода мне абсолютно не мешала. Потому что у меня была сила темных искусств – сформированный мною клинок Тьмы открывал нам проход вперед безо всяких мешающих условностей, таких как двери.

Пара взмахов, удар ногой, и часть стены отлетела в сторону, и мы с Валерой свернули из коридора. Оказались в большом зале открытого офисного пространства со множеством столов. Несколько десятков работников находились в откровенном недоумении – кто-то просто мок под льющейся водой, испуганно озираясь, кто-то пытался спасти технику и бумаги.

Промчавшись между столов, мы вышли через панорамную стеклянную стену – Валера выбил секцию перед нами простейшим импульсом. Миновав осколки стекла, выскочили на крышу, миновали трубы вентиляции и еще какие-то трубы – системы кондиционирования, судя по шипению фреона. Да, я не удержался и сделал вжух – все же не с визитом вежливости сюда пришли.

Перепрыгнув на соседнюю крышу, мы проскочили через открытый амфитеатр – видимо, для общих собраний. Маяк тела Марии Луисы был уже совсем рядом. Потухший было клинок Тьмы в моих руках вновь затемнел непроглядным мраком, открывая нам проход, и мы через стену врубились в нужный корпус.

Помещение, в котором оказались, напоминало морозильную камеру забойного цеха. Только стерильную, и вместо освежаванных шкур на направляющих были развешаны капсулы с телами в анабиозе. Здесь нас уже ждали – загрохотали выстрелы, вспучились рваными дырами перекрытия, заискрился металл балок от попаданий пуль. Мы с Валерой на месте не стояли – оба вошли в скольжение. Уже привычно я двигался словно в толще воды, преодолевая сопротивление ткани реальности и ускоряя себя в течении времени.

Встретившие нас неасапианты-охранники здесь были в полной броне, но, к счастью, не пятого и не шестого уровня, как наши Шевалье, – какой бы ни была могущественной корпорация, каждый подобный бронекостюм стоит на учете. Те же бронекостюмы, которые были на неасапиантах, неудобств нам не доставили. Андре слишком хорошо нас учил последние месяцы, и его методы накладывались на наши возможности – ведь что меня, что Валеру с малых лет готовили убивать других людей в сложных для нас ситуациях.

Первый неасапиант оказался сбит с ног – вновь брошенный мною шлем попал ему в голову, сминая забрало и дезориентируя. Второй едва-едва меня не достал – когда я в подкате подсек его ногу. Пули – которые я видел в полете, настолько ускорился, свистнули совсем рядом, даже рубашку на плече порвали. Усилием я смог уклониться, отбивая ствол стреляющего в меня охранника в сторону.

Перехватив оружие, заплетая ноги неасапианта и роняя его на пол, вбил приклад в стык между шлемом и воротником кирасы, ломая противнику шею. Хрустнуло синхронно – Валера, как сухое деревце, прямым ударом ноги сзади сломал защитную черепаху кирасы и позвоночник того неасапианта, кому я в голову зарядил шлемом, ненадолго лишив ориентации в пространстве. Этот неасапиант, кстати, последний живой оставался до этого момента – остальных Валера уже превратил в нечто совсем неприглядное.

Впрочем, и сам Валера сейчас мог напугать кого угодно – не превратившись полностью в оборотня, он частично изменил свое тело: черты его лица исказились, клыки вытянулись, ощеренная верхняя губа приподнялась – сейчас принц был похож на антропоморфного хищного зверя, нечто среднее между человеком и ягуаром.

Когда все пятеро неасапиантов умерли, я начал стремительно перемещаться от одной колбы к другой, разглядывая лица погруженных в анабиоз людей. Валера в это время был занят созданием себе возможности стрелять. Рецепт весьма прост – нужны элементарные умения первой помощи, дар к магии, немного биогеля и руки того, у кого есть доступ к использованию штурмовой винтовки. И еще, желательна, навик свежевания шкур – для быстроты и оперативности процедуры.

Выглядело то, что сейчас делал Валера, очень неприятно для впечатлительных натур. Именно поэтому, освобождая шлем от намотанного пиджака, я сделал это так, чтобы око

камеры на принца не смотрело – не нужно это изображение полиции. А шлем я надел, потому что нашел Марию Луису.

– Командант, у нас похищенная гражданка Содружества, возможно криминал, – оповестил я полицейского, вместе с оком камеры глядя на подвешенную к потолку капсулу с находящейся в анабиозе Марией Луисой Фернандес. Женщина плавала в густом зеленом геле; лицо ее было открыто и без маски – жидкостное дыхание, распространенная технология в этом мире.

Створки двери в этот момент поползли в стороны, и сразу загрохотали выстрелы – Валера выпустил весь магазин в проем, тут же его меняя, и почти одновременно перекинул мне вторую винтовку – как оказалось, он успел сразу две подготовить.

Я невольно поморщился – стрелять «с чужих рук» довольно неприятное занятие, а я брезгливый. Но, отодвинув в сторону рефлексии, попытался осторожно задействовать внутренний радар. Черт, совсем недалеко явно формируются сразу две штурмовые группы, и, если сейчас полицейские здесь не появятся, мы попали.

Позади нас вдруг ошутимо грохнуло – в стену здания ударился боком конвертоплан. Удар был довольно грубым, зато причалила машина ювелирно – так, что боковая десантная дверь оказалась напротив вырезанного мною прохода, в который уже один за другим попрыгали бойцы полицейского спецназа.

Рядом с нами вдруг разверзся самый настоящий вулкан – казалось, вокруг были только дульные вспышки, грохот выстрелов и скачущие по полу мириады гильз. Полицейские били через стены, явно по меткам в прицелах – уничтожая в зоне видимости всех, у кого имелось в наличии оружие.

Ошутимо ударило и стихийной магией (ого, откуда одаренные у городской полиции?), а пушки отвалившегося от стены конвертоплана начали вскрывать здания вокруг нас, явно отстреливая на все деньги всех, у кого после сканирования выявлялось в наличии оружие.

А мне нравятся такие незатейливые простоты методы – невольно восхитился я действиями высадившихся бойцов, которые без сантиментов просто уничтожали вокруг все, что движется. И, судя по плотности огня, все, что не движется, тоже.

Несмотря на небольшой филиал ада рядом с нами, я обратил внимание на оружие прибывших полицейских, которые тройками уже начали вытягиваться в коридоры здания. У большинства из них в руках были штурмовые винтовки SAR-101 в пустынной раскраске – у городской полиции Хургады такого оружия просто нет.

Мои предположения оправдались в самой полной мере. Сто рублей золотом поставить готов – наверняка сейчас в полицейской форме переодетые британские ребята из Особой воздушной службы, или бойцы полка Парас, или из какого другого полка 16-й парашютной бригады, расквартированной на Ближнем Востоке. Шанс взять за уязвимое место корпорацию Некромикон, причем в столь явной вотчине Франции, лидера Трансатлантического союза, никто упускать точно не собирался. Ну, пусть не взять, но весьма ошутимо дернуть.

Рынок в этом мире поделен и зарегулирован, и такой повод – похищение свободного гражданина, сопряженное с покушением на владеющего одаренного, – отличный способ в конкурентной борьбе получить преимущество, прижав конкурента: профранцузский Некромикон, который кормит половину Африки и протекторатов сублиматами и морковкой, напрямую бодается на рынке с British South Africa Company, они же BSAC, – корпорацией, которая кормит сублиматами и бобами вторую часть Африки.

Так что жизнь Марии Луисы – последнее, что волнует тех, кто отправлял сюда британский спецназ. Главная задача – получить преимущество и возможность отжать себе часть рынка, не боясь санкций ООН и разбирательств Всемирной Торговой Организации. На войне все средства хороши.

Ладно, это все лирика, а нам надо уходить. Тем более уже прибыли настоящие полицейские – сквозь широкую рваную дыру в потолке, которой еще десяток секунд назад не было, по

тросу один за другим десантировались черные фигуры теперь точно настоящего полицейского спецназа. Разница в действиях прямо невооруженным взглядом видна.

– Команданте! – крикнул я, увидев знакомую фигуру. Сорвав с головы шлем, бросил его полицейскому и прислонил к уху ладонь, показав характерным жестом «я позвоню», одинаковым для обоих миров.

– I'll call you later! – дополнительно вслух сообщил я полицейскому и обернулся к Валере. Звонить, конечно, не собирался, просто не мог не попрощаться.

«Рвем когти», – сообщил я Валере, быстро направляясь к проделанному мной в стене и расширенному полицейскими выходу.

«Уходим?» – поинтересовался Валера.

«Нет, хайпанем еще немножко».

Спрыгнув с рваного края стены, мы ускорились, направляясь в сторону зеленой зоны, раскинувшейся между двумя белыми куполами парка.

«Хайпа... что?» – на бегу поинтересовался Валера.

«Хайп – это шумиха, ажиотаж вокруг неординарного и резонансного происшествия. Хайпануть – создать хайп».

Мы уже стремительно, на грани скольжения бежали среди удивительной красоты парка, который походил на живописные места хорватских Плитвицких озер.

«То есть хайп мы еще не создали?» – легко петляя между деревьев, на бегу ткнул большим пальцем за спину Валера. Туда, где над полуразрушенным корпусом кружили несколько конвертопланов.

«Нужно больше золота», – ответил я.

Валера в олдскульную стратегию не играл и культовой фразы не знал. Но по интонации прекрасно понял, что я имею в виду, и переспрашивать не стал.

Еще совсем недавно я на полном серьезе хотел прорваться в кабинет директора филиала. Это было так, мутным продолжением плана после обнаружения Марии Луисы. Но после обнаружения Марии Луисы пришло время обдумывать дальнейшие действия, и вариант поиска директора показался мне неправильным и опасным.

Конечно, в идеальном мире я бы так и сделал – и, прорвавшись через защитные ряды личной охраны, ворвался бы в его кабинет, оставив Валеру разбираться с прибывающими подкреплениями. И, разбив панорамное окно, я поставил бы директора филиала корпорации на край пропасти и, держа лишь за галстук, дал бы возможность сохранить себе жизнь, поделившись информацией взамен.

Но мы не в идеальном мире – во-первых, директор в восемь утра вряд ли на рабочем месте, здесь французский менталитет, раньше одиннадцати работа не начинается, а во-вторых, в охране главного корпуса трилистника с его кабинетом наверняка есть неасапианты и бойцы в полном доспехе пятого или шестого уровня. А справиться нам с такими почти голыми руками... можно попробовать, но это лотерея, раз, и ненужная демонстрация своих возможностей – два.

Но мысль у меня была. С самого начала, как в командном отсеке полицейского конвертоплана увидел белый трилистник на зеленом, краешком меня терзала одна замечательная идея. К которой мы сейчас приближались – выскочив из букового леса, оказались на поле с кукурузой. На краю поля на приколе стояла машина демонстрационного комбайна. К нему я и направился, вновь ускоряясь.

– Выпил цэдва ашпятьоаш, сел на Ниву, Ростсельмаш, – бормотал я себе под нос, забираясь в кабину. – На ДэТэ, Дон пятьсот, Тэ сто пятьдесят, покормил перед этим поросят... – продолжая негромко напевать песню о комбайнерах, я быстро и без лишней нежности выключил все системы безопасности.

Валера, запрыгнув на ограждение кабины, ногой перехватил балку и перехватил винтовку. Устраиваясь поудобнее, он вдруг начал стрелять одиночными – равномерно и четко, как гвозди забивая. Коротко оглянувшись, я увидел группу охранников поодаль у выхода из небольшого строения. Несколько уже лежало, несколько падало, залегая, а один еще бежал вперед, несмотря на то, что голова его вспухла оседающим кровавым облаком.

Мощная силовая установка крейсера пшеничных и кукурузных полей между тем загудела, перемигнулись огоньки приборной панели, рапортуя о готовности. Управлялась машина комбайна джойстиком, и я двинул рычаг вперед.

– Йо-охен! – от избытка чувств воскликнул я, невольно использовав клич немца вместо планируемого «йу-ху-у!».

Вообще комбайн, или скорее универсальная установка для сбора и обработки плодов органической продукции, управлялся автопилотом, но возможность ручного управления закладывалась в каждой такой машине. Поэтому я, как ветеран компьютерных симуляторов, без труда нашел общий язык с машиной и, используя все тот же джойстик, поднял клыки с мотопилом и резцами-косами. Чуть больше времени понадобилось, чтобы разобраться, как их включить. Но я справился – и огромная механическая конструкция заработала.

Валера все это время не переставал стрелять, отсекая одиночными и повиснув в изогнутом положении, как ковбой на дилижансе, – я изменил направление движения, и показавшаяся группа охраны была теперь сзади нас.

Демонстрационное поле довольно быстро закончилось, и туша комбайна с лязгающей вхолостую системой проехала через аккуратный сквер, сминая декоративные кусты и беседки, направляясь к белоснежному корпусу выставочного комплекса, где красовались и такие же комбайны, и стенды с моделями, и залы с макетами оборудования.

– Эта песня посвящается всем сельским пацанам, волгоградским комбайнерам, трактористам, пастухам, – продолжая напевать, я оглянулся по кабине. Искомое нашел быстро – сорвал один из ненужных на первый взгляд рычагов и застопорил им джойстик в максимальном положении вперед. Силовая установка загудела, а комбайн начал разгоняться до совсем неприличной скорости.

Выпрыгнули мы с Валерой из кабины метров за пятьдесят до стены купола, построенного на металлическом каркасе и покрытого шестиугольными сотами матово-белесого стекла. Когда стена купола взорвалась мириадами осколков, я позволил короткое удовлетворенное восклицание.

«Вот теперь уходим», – обратился я к Валере.

Позади раздавались звуки брызг падающего стекла, грохот столкновений и скрежет жеваного железа – заскочив в выставочный купол, наш комбайн и не думал останавливаться, круша все на своем пути. Мы же бежали к краю крыши, огороженной высокой – не менее пяти метров, стеной, с уклоном внутрь.

Сейчас нам всего лишь надо пересечь пятиметровое ограждение, потом спрыгнуть с высоты около пятисот метров и добраться до яхты у причала, который совсем рядом с башнями Некромикона. Легче легкого.

Казалось бы, что может пойти не так?

Глава 6

На забор, ограждающий край крыши, я забрался в несколько прыжков, отталкиваясь от разных поверхностей и блоков. Валера же совершил нечто для меня экстраординарное: он словно поменял для себя законы гравитации, и вертикальная поверхность для него теперь стала низом, так что он без проблем и с невероятной легкостью забежал по стене с уклоном внутрь.

Чтобы подтвердить свою догадку, я даже на некоторое время застыл на краю ограждающей стены. Валера останавливаться не стал – забежав по стене и по инерции выпрыгнув, принц на миг завис в воздухе, оказавшись словно в невесомости. Явно снова меняя для себя верх и низ. После Валера изящно развернулся, как выполняющий кувырок в воду спортсмен, и в свободном падении приземлился на косой скат ограждения крыши, съезжая по нему подогнув одну ногу под себя.

Проводив его взглядом, я полуприсел и, оттолкнувшись что было сил, отправился в полет – выполнив точь-в-точь прыжок веры из моего мира. Пока импульсом прыжка летел вверх и в сторону от края крыши, успел увидеть, как Валера вновь поменял для себя законы гравитации. Проскользив по уклону ската ограждения, он оттолкнулся и прыгнул – преодолев десяток метров. Но снова, влекомый силой притяжения, от вертикальной поверхности приземлился на зеркальные стекла небоскреба и легко побегал вниз. Двигался он так, словно почти отвесная стена здания была для него поверхностью земли.

Бросив последний взгляд на Валеру, я растянулся навстречу воздушному потоку, расправив руки в стороны. И вдруг словно немного загнулся в восприятии происходящего. Потому что не каждый день прыгаю без парашюта с высоты пятьсот метров.

«Смертельный номер! Прыжок из-под купола цирка в стакан воды без страховки!» – услужливо подсказал внутренний голос.

При виде стремительно приближающейся земли накатила неконтролируемый страх, сходный с опаской того, что парашют не раскроется. Которого у меня еще и нет. С трудом справившись с рванувшейся иррациональной паникой, броском кукри я отдалился от стены небоскреба, проверяя, работает ли способ приземления. Все оказалось в порядке – уверился я, материализовавшись в стороне. И не успел удивиться такому странному страху, как вдруг время замедлило свой бег, замерев практически до полной остановки.

Так со мной было уже не раз в моменты смертельной опасности, когда мне помогали высшие силы. Понимая, что происходит что-то очень плохое, но еще не понимая, что именно, я попытался осмотреться. Замерло все вокруг меня – это было заметно по Валере, который без движения, словно статуя, сейчас находился на середине широкого шага. Жизнь словно оказалась поставлена на паузу.

Замерли даже крупнокалиберные пули, которые сейчас – словно рой пчел, двумя спиралеобразными вереницами теснились на том месте, где я находился парой мгновений раньше.

Очень-очень медленно двигая взглядом, я смог посмотреть вверх и увидел две заходящие в атаку со стороны солнца машины. Хищного агрессивного вида – внешне они были похожи на гибрид штурмовика Су-25 и вертолета Ка-52. Только без широких крыльев от самолета и без винта от вертолета.

Пилоты вывели свои машины на нас вертикально сверху и открыли огонь почти одновременно – я видел вереницу вспухающих разрывов и брызг стекла на стене здания, неотвратимым ударом плетки приближающихся к Валере.

Перед мой внутренним взором вдруг заиграли словно подернутые сеткой помех картинки дальнейших вариантов действий, причем на максимальной скорости. Раз за разом время убыстрялось, и в зависимости от моих действий происходило самое разное – или умирал Валера, или

умирал я, или мы умирали оба. Сразу несколько вариантов один за другим, как на перемотке старого видеомаягнитофона, мелькнуло у меня перед взором, пока я не увидел приемлемый.

Это было похоже на действия тактического анализатора, только происходило все не в недрах вычислительной машины, а у меня в голове, силой мысли. Причем не моей мысли – осознал я.

В прошлый раз подобное произошло с Анастасией, когда она умерла у меня на руках, а после время обернулось вспять и я смог ее спасти. Тогда я пережил вариант будущего лично, а сейчас мне будущее показали, причем сразу несколько вариантов. В разных случаях мне помогают разные силы? Или просто мои возможности стали шире?

Отвечать, правда, на этот вопрос было некому. Зато появившееся чувство ускользающего момента прямо намекнуло – пора действовать.

«Валера, в сторону!» – закричал я, и вернувшееся в прежнее течение время обволокло меня всей массой потока воздуха.

Валера среагировал – оттолкнувшись, он смог сменить направление движения, повернув в сторону практически под прямым углом. Вереницы разрывов прошли мимо него совсем рядом, круша стекла здания. Я же – в тот момент, когда пикирующий сверху штурмовик оказался напротив меня, метнул кукри. Обычный бросок не смог бы ни попасть, ни тем более пробить бронестекло кабины. Но мои руки уже были окутаны пеленой Тьмы, и кукри полетел вперед не простым ножом, а черным рощерком.

В кабине штурмовика вспух взрыв черного пламени, и машина вздрогнула, уходя в штопор неконтролируемого падения. Я летел вниз следом и только сейчас задумался о том, каким образом мне не превратиться в лепешку при касании с землей. Ума, чтобы не потянуться следом за брошенным кукри, мне хватило – кто знает, кем я стану, если попробую телепортироваться, используя как маяк объятый Тьмой клинок?

Вот до этого момента, кстати, показанные варианты действий ближайшего будущего меня и довели – дальше я просто не смотрел. Но смертельная опасность очень подстегивает мыслительный процесс – поэтому я сформировал в правой руке клинок Тьмы и размахнулся им как удочкой – желанием и силой воображения заставляя превратиться в плетку кнута. По аналогии с брошенной кошкой – веревкой с крюком на конце. На удивление, задумка сработала – причем в этом была не только моя заслуга. Дело в знаниях убитого мною лорда-повелителя, которые просыпались вот в такие моменты опасности.

Змеевидная плетвь растянулась на десяток метров, ее конец расщепился на несколько щупалец, которые буквально вгрызлись в стену здания. Чистая Тьма деструктивна и агрессивна, но в каждом из щупалец мрака было много меньше, чем в клинке Тьмы, и они резали стену не как горячий нож мягкое масло, а все же создавая сопротивление.

Перехватив плетку обеими руками, я извернулся, словно прыгун с тарзанки. Скорость падения замедлялась, но ненамного – я довольно быстро спускался вниз, а плетвь Тьмы щупальцами цеплялась за стену. Но тут сработали законы физики – и я, как маятник, врезался в стену небоскреба. К счастью, белое матовое стекло было достаточно крепким и удар выдержало. Что было бы, разбейся оно, думать мне не хотелось. Стекло выдержало, но по ощущениям выдержали удар не все мои кости – это было больно. Хоть сознание, к счастью, я не потерял.

Одновременно с моим шлепком в стекло внизу ударился в землю и сразу вспух взрывом штурмовик. Метнувшийся огонь уничтожил мою связь с объатым Тьмой кукри, и приземлился на землю я уже без особых приключений, справившись за три телепортации.

Источник, а также изучение практик контроля энергетического каркаса имеют много плюсов. И это не только импульс очищения от алкоголя, но еще и возможность блокировать боль. Именно поэтому я сейчас еще смог стоять на ногах, и даже быстро и осознанно действовать.

Чуть поодаль вспухало брызгами падающее сверху толстое стекло – второй штурмовик никуда не делся. Валера уже перемещался по стене в виде ягуара – только так он мог достичь нужную, нечеловеческую скорость для того, чтобы не попасть в захват системы прицеливания.

Черный ягуар, словно по льду вертикального озера, скользил по стене, раз за разом меняя направление, а за ним вспухали мириады брызг от разрывов попаданий. Но бег по стенам как по обычной земной поверхности, а еще и одновременное ускорение в скольжении – это непросто, даже боюсь представить, какая концентрация нужна. Одна ошибка, и Валера или сорвется, или надорвется, или просто замедлится.

Решение ко мне пришло быстро. Войдя в скольжение, я вспышкой оказался рядом с пылающими обломками штурмовика.

Мои знания, в том числе и тень памяти лорда-повелителя, подсказывали, что я могу создать и швырнуть обычное копьё Тьмы. Но сейчас, особенно после падения штурмовика, слишком много на меня смотрит глаз и объективов. Даже если они заметили и идентифицировали мою змееглавую плетку, всегда можно заявить, что это был артефакт, тем более аналогов в мире сотворенному мной заклинанию нет, не проверить. А вот если я сейчас среди бела дня швырну копьё Тьмы – лицензированное атакующее заклинание, проблем будет полная корзина огурцов.

Именно поэтому, чувствуя неприятный запах паленых волос, причем, что неприятно, – своих, я встал рядом с пылающим штурмовиком и сформировал копьё Тьмы внутри пылающего Огня. Обычный человек, вернее, одержимый так бы не смог. Но я инициирован в стихии Огня, а кроме того, прикончил лорда – повелителя демонического пламени, которое с огнем очень схоже.

Сформированное мной копьё Тьмы было не под стать тем, что швырял сэр Галлахер в упомянутого лорда-повелителя – уровень его заклинаний много выше. Но мое копьё было объёмно стихийным Огнем, да и применяться должно против бездушной железки, а не против защищенного от магических атак организма.

Когда я обернулся и метнул копьё вверх, держа взглядом синие сопла двигателей маневрирующего штурмовика, от усилия чуть не потерял сознание. Неожиданно все получилось – левый двигатель вспух взрывом, машину сразу раскрутило вокруг своей оси, бросая в сторону в не контролируемом больше полете. Вспыхнувший штурмовик, оставляя за собой шлейф дыма, влетел в здание, круша стекла и перекрытия. Врезался он по касательной и, оставляя за собой на стене рваный шрам, на глазах распадаясь на части, рухнул вниз.

Я в этот момент тоже готов был рухнуть – перед глазами упала пелена, а тело после невероятного усилия броска заклинания просто перестало повиноваться. В принципе, я и рухнул – упал на колени.

Но когда уже заваливался лицом вперед, рядом оказался черный ягуар. Приблизившись ко мне длинным прыжком, большой хищный кот сел на задницу, со скрежетом тормоза когтями по асфальту, и, обернувшись в человека, очень вовремя меня подхватил.

Больше всего на свете мне сейчас хотелось лечь и закрыть глаза, но Валера куда-то меня потащил. Вспышками в мутной пелене я увидел, как он остановил какую-то машину и вежливой, но убедительной просьбой попросил водителя нас довезти до пристани. Правда, несмотря на вежливость, я чувствовал обволакивающий липкий страх водителя – наверное, Валера разговаривал с ним не совсем в человеческом облике для пущей убедительности.

Зато до пристани доехали быстро. Здесь, едва открылась дверь, я увидел сразу нескольких вооруженных человек. Но опасности от них не исходило, даже наоборот – на броне бойцов виднелись эмблемы в виде черного щита с белым гусем с красным языком и лапами. Швейцарские наемники из отряда Зарганс.

Сразу несколько человек вынули меня из машины и очень быстро доставили на борт яхты, пробежав по уже убираемым сходням. Судно отвалилось от причала, который сразу

скрылся из моего поля зрения – не останавливаясь, меня куда-то несли. Недалеко – едва убрал от взора чужих глаз, положили на что-то мягкое, и вокруг засияло зеленоватым сиянием.

Наемный отряд Зарганс был частью швейцарского суверенного клана, и одаренные лекари в его составе присутствовали. В порядок меня привели довольно быстро – работало сразу трое лекарей, которые вскоре сообщили мне, что я жив-здоров и можно начинать веселье заново. На немецком, правда, говорили, и, возможно, я как-то неправильно их понял. Но интонации в их голосах были явно одобрительные – наблюдаемое действие, судя по взглядам, понравилось всем.

Кивнув починившим меня одаренным, я поднялся и вышел на открытую площадку на корме судна, где оставался Валера и несколько бойцов отряда, наблюдающих за удаляющимся берегом. Прежде всего удивленно осмотрелся. Судну, на котором мы оказались, именованное «яхта», которое использовал мой собеседник-банкир, соответствовало достаточно условно. По размерам и хищному облику корабль напоминал скорее современный эсминец. Тем более сходство усиливалось сейчас, когда декоративные панели надстройки разошлись в стороны, открыв казематы автоматических пушек, чьи жерла – плавно ведомые системой наведения, держали на прицеле второе, только что подоспевшее звено штурмовиков.

Видимо, в небоскребах корпорации была всего одна дежурная смена пилотов, вторая прибыла с опозданием. И это отлично – потому что четыре штурмовика доставили бы нам проблем. Вообще, такие машины гораздо эффективнее могут выполнять задания без экипажа, действуя в режиме беспилотника, но это запрещено законами. Запрещено потому, что одаренные, а не корпорации владеют этим миром – сквозь вызванное магическим лечением состояние легкой эйфории неожиданно подумал я.

Смертников и дураков – атаковать клановую яхту, среди пилотов не оказалось. Обе машины, повисев над нами еще мгновенье, синхронно начали набирать высоту, удаляясь в сторону башен. К сожалению, что эти, что предыдущие машины были без опознавательных знаков и без включенных транспондеров – поэтому и швейцарские наемники по ним стрелять тоже не стали. Докажи потом, что это не воздушные туристы, а именно представители службы безопасности корпорации, атаковавшей двух одаренных, с которыми подписал контракт боевой наемный отряд швейцарского клана.

Оба штурмовика удалялись в сторону берега, к выделяющейся даже на фоне остальных небоскребов башне Некромикона. Белоснежная троица переплетенных зданий сейчас была похожа на обиженное вандалами древо эльфийского леса – темнел под лучами солнца дымящийся шрам на стене от врезавшегося штурмовика, поднимались в безветрии густые чадающие столбы и с крыши, и снизу, с места падения уничтоженных машин.

Еще и внутри башен сейчас все хорошо – все руководство на ушах и решает, кто и как будет отвечать на вопросы полиции на тему нахождения и незаконного удержания гражданки Трансатлантического союза. Ответят, конечно, и договорятся, и крайних быстро найдут, но все же.

Рядом сдержанно загудело – стволы пушек вернулись в диаметрально плоскость, и вращающиеся казематы опустили, одновременно скрывающиеся надвигающимися декоративными панелями.

Но и когда пушки оказались убраны, назойливый гул все еще раздавался. Осмотревшись и присмотревшись, я увидел сразу несколько парящих над нами беспилотников. Поискав глазами ближайший и заметив значок Canal F1, я улыбнулся и показал в объектив камеры два пальца, указательный и средний.

Этот жест во всем мире называется «V», Виктория. Но есть у него и сугубо национальное применение – если показывать этот жест обратив не открытой ладонью, а, наоборот, тыльной.

История старая, еще со Столетней войны. Французы, поймав ненавидимых ими английских лучников, отрубали им два пальца, чтобы лишить возможности натягивать тетиву. И

английские лучники, при возможности, всегда демонстрировали два пальца французам, сопровождая все оскорбительными комментариями и анонсами. Так что, если показывать указательный и средний палец не ладонью к зрителю, а, как я сейчас, обратив к смотрящему тыльную сторону, этот жест весьма и весьма оскорбителен для понимающего человека.

Этим жестом, кстати, иногда пользовался сэр Уинстон Черчилль, на радость согражданам обращая его в сторону фотоаппаратов репортеров. Улыбаясь при этом так, что всем все становилось понятно. Повторив жест знаменитого английского премьер-министра, я почувствовал вновь накатывающую легкую эйфорию.

«И так сладко рядить Победу, словно девушку, в жемчуга, проходя по дымному следу отступающего врага» – хотелось повторить мне вслед за Гумилевым. Но не повторил – отступали все же мы, но дымящиеся небоскребы наблюдать было все же очень приятно, не отнять.

Валера также был лекарями восстановлен – без повреждений он не ушел, и тоже содеянным был удовлетворен. В молчании мы долгое время стояли на корме, наблюдая за удаляющимся берегом. До того момента, как я не почувствовал за спиной движение и напряженное внимание. Обернувшись, увидел сразу нескольких швейцарцев, один из которых явно был офицером.

– Господин Артур, у нас проблемы, – сообщил мне наемник.

Черт возьми, да кто бы сомневался – почему-то совсем не удивился я его заявлению.

Несколько секунд, и мы, торопливо двигаясь, оказались в рубке. Здесь было несколько офицеров и бойцов, но моим вниманием завладела детальная проекция побережья Хургады, отображенная над широкой рабочей областью командирского стола. Даже слишком детальная – я видел гребешки на волнах и увеличивающиеся буруны у носа нашей миниатюрной на проекции яхты. Пол под ногами слегка вибрировал – видимо, в попытке уйти от преследования судно набирало ход.

Море вокруг было отмечено многочисленными маркерами меток – судов рядом немало. Большинство с кодами пояснений, но явно выделялось сразу два неопознанных объекта – которые приближались к нам с разных сторон. Система слежения идентифицировала оба как маломерные суда, но характеристики меток были подкрашены красным.

– Это корабли военно-морского флота больших держав, они под пеленой стелс-систем, – на английском пояснил мне капитан. Он, в отличие от других швейцарцев, был в обычном мундире, белого цвета. Но с тем же гусем на черном щите.

– И они, судя по действиям, очень желают вас видеть, – произнес капитан чуть погодя.

– Суверенитет? – поинтересовался я, намекая на экстерриториальность яхты.

– Если ваша личность достаточно важна для того, чтобы пытаться захватить вас силами военно-морского флота, вряд ли на наш статус суверенного клана обратят внимание. Это большие державы – принесут после извинения в ООН, и то не факт. Мы будем стараться уйти от преследования, но вероятность этого околонулевая, так что готовимся к бою.

– Околонулевая? – с надеждой поинтересовался я.

– И простер Моисей руку свою над морем; и Господь сделал море сушей, и воды были разделены, – процитировал Библию капитан.

Ясно-понятно, расстроился я.

О том, что и в бою шансы у нас нулевые против кораблей военно-морского флота больших держав, Powers, как по-английски их называл капитан, он умолчал. Это и так всем понятно. Но готовились к бою наемники на полном серьезе – я видел на изображении следящих мониторов, как команды бойцов занимают места, слышал короткие доклады офицеров.

Именно этим швейцарские наемники и ценятся – когда кто-то другой в проигрышной ситуации будет искать способ соскочить с исполнения обязательств или даже принять более выгодное предложение, швейцарцы будут отрабатывать контракт до последней буквы.

– Один важный момент, – произнес капитан и показал на оба неопознанных объекта. – Это корабли флотов разных держав.

Несколько минут на мостике сохранялась тишина. Наше судно на пределе мощности двигалось по волнам, а оба корабля загонщика стремительно приближались. И как стало ясно совсем скоро, они соревновались больше сами с собой. За то, кто первый перехватит нашу яхту.

Еще несколько минут, и оба корабля оказались в зоне визуальной видимости. И оба действительно были не маленькими лодками, а как минимум эсминцами – причем оба до сих пор были скрыты едва колышущейся стелс-пеленой, дающей возможность разглядеть лишь общие очертания.

– Даже в ООН извиняться не нужно будет, – произнес вдруг Валера.

После его комментария я понял причину того, что оба корабля укрыты столь энергозатратной пелериной – чтобы не было возможности идентифицировать того, кто именно захватил яхту.

– Есть один положительный момент, – пробормотал я.

– Какой?

– Хотели бы убить, раздолбали бы давно из-за горизонта.

– Мы принимаем бой? – поинтересовался Валера.

– Капитан, – вместо ответа обернулся я к швейцарцу в белом мундире. – Тормозите, посмотрим, что нам хотят сказать.

Смысла сейчас барахтаться не вижу – вокруг море, как с небоскреба недавно, никуда не прыгнешь. Спорить со мной наемник ожидаемо не стал и на немецком отдал несколько быстрых приказов. Внешне поначалу ничего не изменилось – никто из команды не расслабился, все были готовы к бою. Но ход яхта начала снижать, и я вернулся всем вниманием к загонщикам.

Ближе к нам сейчас, после ряда маневров, оказался неопознанный корабль, приближающийся с севера. Но второй вдруг неожиданно сбросил стелс-пелену, при этом даже на обычный взгляд ускоряясь.

Увеличение скорости отразили и показатели маркера на проекции командирского стола. Высветилось и название: HMCS Diarmuid. Его величества колониальное судно Диармайд – сообщила нам система распознавания, представляя во всей красе британский эсминец, внешне похожий на поставленный на воду угловатый серый утюг.

Эсминец между тем, избавившись от скрывающей пелены, явно дал машинам полный форсаж. Разрезая воду узким носом и поднимая буруны выше палубной надстройки, он приближался к нам, теперь уже опережая корабль-соперник. На том также сбросили стелс-пелену, высвобождая ресурс энергетических установок.

Фрегат Аврора средиземноморской оперативной эскадры Северной флотилии Российской Конфедерации – коротким сигналом оповестила система распознавания второго корабля.

Впрочем, время фрегатом было утеряно – британец слишком много выиграл своим неожиданным маневром деанонимизации. Кроме того, русский фрегат был тяжелее, и так быстро, как британцу, разогнаться у него не получалось.

Но давать ему возможность подойти к нашей яхте первым никто не собирался – неожиданно весь корпус фрегата озарило голубоватым сиянием, и у носа вспухли водные буруны. А нет, не водные, и не буруны – над поверхностью южного моря поднималась, без шуток, самая настоящая ледяная стена. Словно ледяной плеткой по воде хлестнули, при этом замораживая поднышающую от удара волну. Как будто крепостная стена встала на пути эсминца – не меньше километра в длину, шипастый ледяной заслон.

Эсминцу теперь не оставалось выбора – только отворачивать в сторону. Но как оказалось, британский капитан – или тот, кто отдавал приказы, отступить не собирался. Тем более теперь, и так пойдя ва-банк сбрасывая пелерину невидимости.

Серьезные намерения британца стали очевидны сразу после того, как прямо в центре айсберга вдруг вспухло пятно ледяной крошки. Не сбавляя ход, эсминец не стал отворачивать – и, обрушивая на себя тонны льда, корабль проломился через преграду.

Геометрия корпуса оказалась нарушена, на бортах появилось несколько рваных дыр, упало несколько мачт систем слежения, но эсминец продолжал двигаться вперед. Правда, после удара не так быстро, как прежде. Тем более что в носовом отсеке явно пробоина – утонуть не утонет, переборки задраены, но теперь не бегун. Но скорость тем не менее эсминец смог держать.

Поставивший ледяную преграду русский фрегат теперь явно успевал подойти к нам раньше. Но совсем чуть-чуть – несмотря на масштабные расстояния, вопрос был всего лишь в считанных метрах. Корабли уже, оба понемногу теряя ход, сближались, причем капитан Авроры – имеющий теперь тактическое преимущество, явно собирался осуществлять навал, чтобы оттеснить британский эсминец от нашей яхты.

– Господин Артур, – вдруг привлек мое внимание капитан швейцарской яхты. – Мне кажется, это к вам.

В напряженном наблюдении за противостоянием эсминца и фрегата никто не заметил, что к нашей яхте с кормы уже подошел стремительный десантный катер. На нем точно был одаренный, потому что катер был прикрыт пеленой невидимости. Сейчас сброшенной – и, держась за рейлинги, на носу стоял матрос британского флота. Станный парень для матроса – низкорослый азиат, а у них ведь...

Впрочем, едва я всмотрелся в открытое лицо, как узнал азиата – Наик Ракеш Рана, королевский гуркский стрелок, выполнявший обязанности телохранителя Элизабет Саманты Мари-Софии, герцогини Родезийской, известной всему миру как Черная принцесса.

От таких намеков на приглашение не отказываются, особенно учитывая наше недавнее с Самантой общение и ее помощь. Поэтому я коротко посмотрел на Валеру. Взглядом показал на Аврору, а после на Диармайда – недвусмысленно говоря, что нас двое и кораблей тоже два.

Принц понял меня еще до того, как я сформировал мысль, и кивнул. Без слов я выбежал на палубу и, соскочив по трапу, оказался на корме, перепрыгивая на британский десантный катер. И едва успел схватиться за поручни – стремительное суденышко развернулось почти на месте и, высоко задрвав нос, направилось по широкой дуге – заходя так, чтобы сначала корпус яхты, а потом эсминец закрыли нас от фрегата.

Над морем в этот момент раздался звук удара и душевынимающий металлический скрежет: русский фрегат бортом – скула в скулу, по касательной ударил британский эсминец, оттесняя его от покачивающейся на волнах яхты.

«Войны никто не хотел. Война была неизбежна», – вспомнилось мне в этот момент.

Но когда это еще будет. Сейчас же нас ждут дела более насущные: разгрести последствия всего произошедшего за последнюю неделю – начиная с трагически закончившейся лекции фон Колера, несомненно, будет той еще задачей. Но тут у меня есть козырь – Элимелех. Готовность живущего в ритме космического танца чернокожего наемника организовать нам убежище вне этого мира я держал в уме теперь постоянно.

Глава 7

В закрытом и защищенном коммуникационном центре я подспудно ожидал увидеть кого угодно. Предполагал, что это будет или капитан корабля, или наделенный полномочиями дипломат, или сотрудник секретной службы, или – чем черт не шутит, даже голубоглазая смуглянка Саманта Дуглас. Но когда двери за мной закрылись, понял, что реальность в очередной раз смогла меня удивить.

– Хефе, – приветствовал я расположившегося за столом Андре в белоснежном мундире офицера британского военно-морского флота.

Неожиданно его было увидеть здесь и сейчас. Но неожиданностью именно его появление для меня все же не стало. Я помнил наш откровенный разговор, в котором Андре сообщил мне, что работает на британскую разведку. Но помнил я и его слова о том, что приглядывает за мной он в первую очередь по прямому поручению российского императора.

Стрелковый инструктор без слов витиевато махнул рукой, уместив в этот жест все полагающиеся этикетом слова и выражения, и показал мне место за столом. После этого он активировал одну за другой многочисленные защищающие от чужих ушей и ментального сканирования системы. Загудели генераторы полей, чуть погода мазнуло по щеке отзвуком сильного магического поля.

Пока активировалась защита, я вдруг – глядя на Андре, почувствовал себя немного не в своей тарелке. Неприятное чувство – когда знаешь, что впереди большая беда, но ничего уже не справишь.

– Элимелех убит, – довольно сухо сообщил мне Андре.

«Как убит?»

Новость ударила словно пыльным мешком по голове. На несколько мгновений я даже потерял над собой контроль, чувствуя, как воздвигнутые капитальные стены моих планов рушатся вдруг как картонный домик. Просто в труху рассыпаются.

– Когда? – поинтересовался я, стараясь сохранить спокойствие.

– Сегодня ночью, под утро.

Как раз в тот момент, когда мы с Валерой Марьяну ожидали или же с ней уже общались.

– Где?

– В занятом тобой гостевом коттедже гимназии, в своем кабинете.

Так, односложные вопросы и ответы сейчас не лучший вариант общения, хочется большего объема информации. Поэтому я взглянул Андре в глаза.

– Хефе, первый шок от услышанного у меня уже прошел, можно подробно и в деталях.

– Ада.

– Что?

– Кто, а не что.

– Ада?

– Ада.

– Как? – только и смог вымолвить я.

– Ножом кукри, подошла сзади, отделила голову от тела одним ударом.

Вдох, выдох.

Так, еще раз.

– Хефе, теперь уже... теперь уже точно первый шок от услышанного у меня прошел, так что можно с самого начала, подробно и в деталях.

– Элимелех работал на тебя по контракту. Но при этом он имел обязательства и перед предыдущими своими... нанимателями, так скажем. Именно поэтому у нас сейчас есть та самая информация, которая есть.

– Получается, у британцев и обо мне информации гораздо больше, чем я могу предполагать?

– Именно так, – кивнул Андре.

Сначала была поездка в Высокий Град, где я познакомился с Самантой. Потом, получается, меня просчитали – и, зная, что я собираюсь отомстить Мюллеру, очень вовремя через Андре организовали мне в помощь троих наемников – Элимелеха, Иру и Аду. Не только мне, ну и себе тоже, приглядывать за мной. Вот только если именно Ада убила Элимелеха, что-то в четком плане явно пошло не так.

Андре между тем выждал паузу. Не услышав моих язвительных комментариев и возмущения – справедливого, в общем-то, удовлетворенно кивнул. Я же сохранял ледяное спокойствие, обрабатывая входящую информацию. Просто потому, что вогнал сознание в состояние холодного разума, рассматривая новые сведения как лепидоптерофилист рассматривает своих препарированных в альбоме бабочек. Инструктор, глядя на мое спокойствие, продолжил.

– Итак, Элимелех в числе прочего предоставлял ценные данные... моим и своим нанимателям, так скажем. И у него была очень полезная привычка дублировать ценные данные в защищенное хранилище, именно поэтому мы сейчас имеем то, что имеем – зная причину убийства. Счастливая случайность – судя по всему, последнее сохранение он сделал уже в тот момент, когда голова была отделена от тела, но направленная мышечная активность еще не отключилась.

Меня сейчас – в состоянии холодного разума, это интересовало мало. Самое главное – информация для анализа, а остальное – случайности, совпадения и эмоции, совершенно лишнее. Все равно все, что могло случиться, уже случилось.

– Ада задержана?

– Нет, она ушла.

– Вместе с Ирой?

– Нет, Ира осталась и ждет твоего решения.

Больше вопросов я задавать не стал, и Андре продолжил посвящать меня в суть произошедшего. Только сейчас он не говорил, а открыл интерактивное меню. Надо всей немалой поверхностью стола передо мной возникла схема дерева связей, включающая в себя не менее полусотни лиц, за каждым из которых в свою очередь указывалось отдельное дерево отношений. Как понимаю – бросил я беглый взгляд на общую картину, это была связанная друг с другом группировка, а дополнительные ветки к отдельным портретам – распределение личных материальных ценностей.

С ходу разобраться в подобном нагромождении разных переплетенных между собой схематичных личностных и материальных связей не представлялось возможным. Но было определено ясно, что именно здесь таится информация, из-за которой Ада лишила Элимелеха головы, поэтому я глянул на Андре.

Инструктор меня прекрасно понял. Кивнув, он совершил несколько манипуляций. После этого все разветвленное трехмерное дерево посерело, словно уйдя в тень. По жесту Андре одна за другой загорались фотографии с пояснительными маркерами. Сама структура схемы также изменилась, теперь являясь картой мира, а фотографии появлялись с территориальной привязкой на разных материках.

Самой первой загорелась фотография начальника кадровой службы патрульной полиции Высокого Града – Эдгара Уэлча. Потом – его сына, Винсента Уэлча, находящегося сейчас на территории Канады. Дальнейшая география охватывала практически весь земной шар, включая представителей генералитетов служб и ведомств всех стран Большой Четверки. По мере того как высвечивались фотографии, я начинал понимать – передо мной вся схема, каким-то образом причастная к организации и работе Восточного кулинарного клуба, занимающе-

гося работорговлей для взыскательных покупателей. Особо я отметил фотографию Войцеха Ковальского, который также отображался как находящийся сейчас в Высоком Граде.

– Это Восточный кулинарный клуб? – поинтересовался я.

– Да, – просто ответил Андре. Сделав небольшую паузу, он вновь погасил всю схему до серого состояния.

– Когда мимо тебя бежит река, очень сложно удержаться от искушения и не отвести в свою сторону ручеек, – произнес стрелковый инструктор и вновь начал зажигать фотографии одну за другой.

В этот раз каждая из иконок с изображением подсвечивалась синим и поднималась довольно высоко над картой, оставляя под собой объемное дерево отдельной схемы. Что это за дополнительные схемы, объяснять мне не нужно было – схемы отмывки денег через разные налоговые гавани и подставные компании. Интуитивно понятно.

После того как Андре закончил, он вновь начал отмечать ранее не тронутые фотографии одну за другой. Только каждая фотография была отмечена не синим, а красным светом. В этот раз кубышки у всех были меньше на порядки.

– Перед тобой список самых разных людей. Объединяет их три фактора. Первый: все они весьма влиятельны на своем участке деятельности, но никто не занимает непосредственно руководящий пост, сплошь серые кардиналы. Здесь заместители министров, руководители комитетов, вице-губернаторы, начальники отдельных подразделений в ведомствах, даже есть один вице-король, но нет ни одного единоличного командира в своем секторе. Второй: все эти люди участвуют в работорговле, как потребители и как организаторы. Атака, предпринятая на тебя силами ФСБ, как раз была предпринята со стороны организаторов в Российской Конфедерации. Третье...

– Можно подробнее про организаторов? – посмотрел я на группу лиц.

– Сейчас это не так важно, – спокойно отсек мою просьбу Андре, – вся информация в любом случае у тебя будет чуть позже.

«В любом случае»? Тон инструктора не вызывал сомнений, что ждет меня сегодня очередная жизненная развилка. В любом случае.

– Третье: среди вышеуказанных лиц нет ни одного, кто имеет тесную связь с владеющими одаренными. То есть нет ни одной зацепки на то, что в деятельности по продаже людей участвует аристократия, как старая, так и новая.

Сделав паузу, Андре едва тронул пальцем одну из фотографий. «Резун Владимир, надворный советник, вице-губернатор Минской губернии», – прочитал я в пояснении.

– Элимелех занимался сбором и анализом информации обо всех этих людях, или эта информация предоставлена ему со стороны?

– Элимелех... участвовал в сборе, обработке и анализе данных для создания общей картины, – обтекаемо сформулировал Андре. – Но отнюдь не как один из главных исполнителей, – добавил чуть погодя стрелковый инструктор.

По-прежнему внушительно гудели генераторы защитного поля, щекотал щеку отзвук магического барьера, но я все же не стал уточнять, делал Элимелех это по поручению Андре, работающего на русского царя, или по поручению Андре, работающего на британскую разведку.

– Во всей этой истории наблюдаются определенные закономерности, – продолжил Андре и вновь высветил общее дерево схемы. Часть людей посерела, их изображение ушло на второй план, но большая часть все же осталась.

– Это все потребители. Те, кто покупает себе в пользование людей, – сообщил мне инструктор.

Среди отмеченных портретов в большинстве были персоны с внушительными серыми капиталами. Но закономерность я заметил сразу – абсолютно все те, кто не озаботился накоплением материальных благ, также были здесь.

Андре сделал еще несколько жестов, и практически все портреты в синей подсветке пропали, остались только работающие практически за голый оклад люди. Пусть и немаленький оклад, но все же.

– Все эти господа... – показал Андре на группу примерно из десятка человек, – покупают себе детей и подростков, которых потом никто и никогда более нигде не увидит. У остальных тоже покупки периодически пропадают, это бывает, но по большей части купленные куклы или возвращаются в протекторат с коррекцией памяти, или обживаются в странах первого мира, или даже возвращаются к продавшим их родителям или соадаптантам с ювеналами и заходят на второй круг. Но никто и никогда не видел больше тех людей, что уехали именно к этим покупателям.

Возникла небольшая пауза – Андре активировал и повесил чуть в стороне фото с места события, где голый грузный мужчина лежал в ванной комнате в луже своей крови, частично прикрытой сорванной занавеской.

– Резун Владимир, надворный советник. Трагически погиб сегодня утром: поскользнулся в душе и разбил себе голову о край мраморной облицовки ванной комнаты. Несколькими часами ранее Элимелех обнаружил связь господина Резуна, тщательно скрытую через три организации-прокладки, с компанией Чистый мир Русия, которая занимается обслуживанием...

После небольшой паузы Андре нашел нужный пункт в меню и передо мной появилась еще одна картинка, со спутника или дрона, изображающая лесной дом на поляне. Я не сразу понял, что это, но буквально через пару мгновений догадался – тот самый охотничий домик, на который мы набрели с Анастасией при бегстве из Петербурга.

По спине, даже несмотря на состояние непоколебимого спокойствия, прошло холодком – потому что я прекрасно помнил, какие именно эмоции и эманации смерти ощущал в этом домике. И все, что говорил Андре, для меня уже начинало понемногу формироваться в цельную картину.

– Как я уже сказал, когда мимо течет река, слишком велик соблазн отвести в свою сторону ручеек при имеемой возможности, – вновь продолжил Андре. – Только в мире есть нечто большее, чем деньги.

– Сила?

– Именно так.

– Речь о жертвоприношениях?

– Да. Мученическая смерть – источник невиданной энергии, главное уметь ее собрать.

Или направить.

– Почему так сложно?

– Как? – не совсем понял Андре.

Он спросил не «что?», а «как?». Так часто спрашивают те, кому русский не родной – машинально отметил я. Но мельком, потому что сформулировал интересующий меня вопрос.

– Почему так сложно: кулинарный клуб, разветвленная система работорговли. Не проще для жертвоприношений найти предложения поближе? – поинтересовался я, держа в уме, как Эльвира вполне спокойно за пару часов смогла найти нам сразу трех смертников.

– Качество человеческого материала.

– Все еще не понимаю.

– Если ефрейтора Павла Петраускаса из 15-го Татарского обяжут сыграть на балалайке на творческом вечере и он получит отзывы от сослуживцев, что игра и частушки его – полное дерьмо, Павел даже не расстроится. Если о том, что его игра дерьмовая, услышит нежный

подросток при поступлении в училище музицирования, для него это будет шрам на душе на всю оставшуюся жизнь.

– То есть...

– То есть с мученической смертью людей толстокожих высвобождается гораздо меньшее количество энергии. Есть и еще одна важная деталь: пытки. Если отдалить момент смерти у подготовленного человека, он будет аккумулировать злость и даже ненависть, это деструктивная энергия, она опасна для истязателя. Если купить себе неподготовленного подростка, то главный его ресурс – боль и страх.

– Неподготовленный подросток из протектората? – моментально прокомментировал я неувязку.

Андре в ответ только обернулся и вывел изображением сразу десяток фотографий. Это была молодая девушка, которая в серии снимков преображалась – от шурящегося на мир опасного настороженного человека до расслабленной юной леди.

– Я предполагаю, что найденный тобой охотничий домик – место убийства одной из купленных через кулинарный клуб девушек. Покупается сексуальная игрушка, ее или его статус поднимается до любовницы, за несколько недель или даже месяцев ее жизнь меняется в лучшую сторону, после чего в один из счастливых моментов сказка заканчивается.

Вспомнив черные эмоции, эхо которых я почувствовал тогда, в лесу, я содрогнулся. Потому что, судя по всему, Андре был недалеко от истины.

Река возможностей, которая течет мимо, и велик соблазн отвести в свою сторону ручеек. Вот только в случае с деньгами все понятно – цель в первую очередь личное благополучие. А в случае с силой? Те, кто это делает, получив ее в ходе пыток и жертвоприношений, маринуют ее что ли? Об этом у Андре и спросил.

– Вот это, – постучал по краю стола стрелковый инструктор, – пока аналитические выкладки, которые не подтверждены никакими доказательствами.

– То есть Элимелех, действуя с моей подачи, смог выйти на неясную связь Резуна с Чистым миром, и после того как Ада снесла ему голову и сбежала, один из аналитиков секретной службы предположил, что речь идет о человеческих жертвоприношениях и аккумулируемой с их помощью силе?

– Все верно.

– Аду нашли?

– Нет.

Спрашивать, ищут ли ее, я не стал. Ответ и так очевиден.

– О-отлично, – покивал я. – То есть это пока только версия.

– Пока да. Но в пользу этой версии говорит еще несколько фактов, которые я пока не могу тебе озвучить, это совершенно секретная информация.

– А вот это вот все просто секретная?

– Нет, это тоже проходит под грифом «Совершенно секретно».

– А другие версии есть?

– Есть, но твоего внимания не стоят. Для тебя есть кое-что еще важное, с этим не связанное.

– Да?! – вздернул я бровь характерным жестом Юсуповых-Штейнберг, которому уже отлично научился.

– Да. Сегодня в Москве, в пять часов утра на территории Тайной академии Темных искусств, в подвале одного из корпусов произошел взрыв такой силы, что зданию восстановлению не подлежит.

На картинку с предположительно принесенной в жертву девушкой наложилось изображение территории академии, один из корпусов которой лежал в руинах.

– А есть еще что-нибудь, чтобы я сразу всему удивился? – поинтересовался я.

– Есть, – совершенно спокойно кивнул Андре.

Черт, я же просто так спросил, я совсем не хочу больше удивляться. Ладно, еще удивительные сведения отложим на потом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.